

Д. МОНТЕВЕРДИ*

**ЗАКОНЫ XII ТАБЛИЦ
И ГРЕЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ,
«ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ
СОЗДАНИЯ СВОБОДНОЙ
И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

Предложенная тема предполагает постановку вопроса, неразрешенного, несмотря на века внимательного изучения: состоялась ли встреча между законами греков и римлян?

Сегодня мы попытаемся предложить точку зрения на возможное соотношение между важнейшими конституциями Великой Греции и Законами XII таблиц. Но чтобы это сделать, я считаю необходимым следовать тому пути, который определен дискуссией в историографии, дискуссией, которая чрезвычайно ценна сама по себе, потому что она, как ничто другое, позволяет проследить изменения в подходе к оценке достоверности литературной традиции о Древнем Риме. Рассмотрение истории вопроса позволит увидеть, как взгляд на факт, на событие отражается в культурной и политической среде, в которой он созревает. Тем самым мы осознаем, что, с одной стороны, мы смотрим через линзы, но, с другой стороны, сможем избежать ошибок интерпретации, уже совершенных из-за того, что, позвольте мне еще одну метафору, видимое нами изображение было не в фокусе. Все это позволит нам найти правильный подход к изучению наших источников. Иными словами, нам предстоит скорее исследование вопросов, а не ответов, ведь, как всегда, исторический анализ перипетий человеческой судьбы и их формализация на конституционно-правовом уровне требуют определить направление, которое и задается поставленными вопросами.

---

* Монтеверди Донателла – профессор Университета «Великая Греция» (Катандзаро, Италия). В основе статьи лежит текст лекции, прочитанной для студентов, слушателей италороссийского курса «История *ius gentium* от Пифагора до современности», организованного Л.Л. Кофановым и И. Пиро в рамках сотрудничества Университета «Великая Греция» г. Катандзаро и Российского государственного университета правосудия (Катандзаро, 17–22 ноября 2014 г.). Перевод сделан А.А. Пановым при поддержке РФНФ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

Мы попытаемся это сделать, хотя и осознаем, что истинность ответов, которые историческое знание даст на наши вопросы, сомнительна (Поппер), и мы понимаем, насколько это в наших силах, что никакой историк не может сделать ничего иного, как выбрать между различными гипотезами ту, которая кажется — исходя из анализа документов — более достоверной (Момильяно).

Один из величайших ученых XX в., Рикардо Орестано, во введении к одному из своих фундаментальных трудов — о юридических лицах — говорил, что юридическая наука — это наука эмпирическая, она основывается на опыте. У нас нет ни лабораторий, чтобы проводить эксперименты, ни возможности принимать гипотезы с помощью их доказательства; единственная «проверка» в юридических дисциплинах возможна с помощью анализа применения институтов и норм в истории. Историческое исследование делает выбор свободным и осознанным и тем самым более ответственным².

Если эти слова имеют смысл и сегодня, а ваше присутствие в данной аудитории это подтверждает, то обратимся к анализу событий в период децемвиров, когда была предпринята попытка изменить государственные органы и модель правотворчества, в том числе в свете возможного сравнения с другими культурами, чтобы стать еще «более свободными и оттого более ответственными».

Но обратимся к источникам. Перечитаем слова, которыми Дионисий и Ливий на долгие века заслужили славу фальсификаторов. Так, Дионисий пишет:

«Но главное, к чему я призываю, — это назначить послов в греческие города Италии и в Афины, чтобы они, испросив у эллинов наилучшие и более всего подходящие к нашему типу жизни законы, доставили их сюда. А когда они возвратятся, то пусть стоящие в тот момент у власти консулы предложат сенату рассмотреть вопрос, кого следует выбрать в законодатели, с какими полномочиями, на какой срок и все прочее, как то сенаторы сочтут для себя полезным. Остерегайтесь враждовать с плебеями, извлекая из этого лишь череду несчастий. В особенности же не следует препираться из-за законов, которые помимо прочего обладают вызывающим уважение достоинством»³.

² Orestano 1968, VII ss.

³ *Dionys.* X.51.5: οὐ τι καὶ μικρὸν ὄφελος τῷ κοινῷ. κεφάλαιον δ' ἐστὶν ὧν ὑμῖν παραινῶ, πρέσβεις ἐλέσθαι τοὺς μὲν [p. 94] εἰς τὰς Ἑλληνίδας πόλεις τὰς ἐν Ἰταλίᾳ, τοὺς δ' εἰς Αθήνας: οἵτινες αἰτησάμενοι παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς κρατίστους νόμους καὶ μάλιστα τοῖς ἡμετέροις ἀρμόπτοντας βίοις οἴσουσι δεῦρο. ἀφικομένων δ' αὐτῶν τοὺς τότε ὑπάτους προθεῖναι τῇ βουλῇ σκοπεῖν, τίνας ἐλέσθαι δεήσει νομοθέτας καὶ ἦντινα ἔξοντας ἀρχὴν καὶ χρόνον ὅσον καὶ τὰλλα, ὅπως ἂν αὐτῇ φαίνηται συνοίσειν,

Ливий же дает следующую информацию:

«Если им [сенаторам] не нравится предложенный плебеями закон, пусть позволят и из плебеев и из патрициев избрать законодателей, чтобы они радели о пользе тех и других и об уравнивании их в правах. Сенаторы не отклонили этого предложения, но заявили, что законодателями могут быть лишь патриции. Итак, согласие о законодательстве было достигнуто, спор шел только о законодателях, когда, получив приказ переписать знаменитые законы Солона и познакомиться с учреждениями, обычаями и законами других греческих государств, в Афины отправились послы Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин»⁴.

Эти немногочисленные строки, необычно сухие даже у Дионисия, который, в отличие от Ливия, любил пускаться в долгие рассуждения, удаляясь от того аналитического стиля, который Цицерон описал как отличающийся наибольшей *ienunintitas et exilitas* (*De leg. I.6*)⁵, содержат свидетельство о предложении создать законодательство и с этой целью отправиться в Грецию и Великую Грецию, чтобы «изучить» законы. Рассказ о моменте, когда начались первые контакты с греческим миром, появляется в тексте

στασιάσειν δὲ μηκέτι πρὸς τὸ δημοτικὸν μηδ' ἄλλας ἐπ' ἄλλαις ἀναγεῖσθαι συμφορὰς ἄλλως τε καὶ περὶ νόμων φιλονεικοῦντας, οἱ κὰν εἰ μὴτὲν ἄλλο τὴν γέ τοι δόξαν τῆς ἀξιώσεως ἔχουσιν εὐπρεπῆ.

⁴ Liv. III.31.8: Si plebeiae leges displicerent, at illi communiter legum latores et ex plebe et ex patribus, qui utrisque utilia ferrent quaeque aequandae libertatis essent, sinerent creari. Rem non aspernabantur patres; daturum leges neminem nisi ex patribus aiebant. Cum de legibus conveniret, de latore tantum discreparet, missi legati Athenas Sp. Postumius Albus A. Manlius P. Sulpicius Camerinus, iussique inclitas leges Solonis describere et aliarum Graeciae civitatum instituta mores iuraque noscere.

⁵ Cic. De leg. I.6: Quam ob rem adgrederi, quae sumus, et sume ad hanc rem tempus, quae est a nostris hominibus adhuc aut ignorata aut relicta. Nam post annalis pontificum maximorum, quibus nihil potest esse iucundius, si aut ad Fabium aut ad eum qui tibi semper in ore est Catonem, aut ad Pisonem aut ad Fannium aut ad Vennonium uenias, quamquam ex his alius alio plus habet uirum, tamen quid tam exile quam isti omnes? Fannii autem aetati coniunctus <Coelius Anti>pater paulo inflauit uehementius, habuitque uires agrestis ille quidem ac horridas, sine nitore ac palaestra, sed tamen admonere reliquos potuit ut adcuratius scriberent. Ecce autem successere huic <G>elli<us>, Clodius, Asellio, nihil ad Coelium, sed potius ad antiquorum languorem et insciam. (Поэтому приступи, пожалуйста, к делу и выбери время для такого сочинения о событиях, доньше либо неизвестных нашим соотечественникам, либо оставленных ими без внимания. Ибо, если — после летописей верховных понтификов и самых приятных книг, какие только могут быть, — обратиться к Фабию или к тому человеку, о котором ты всегда упоминаешь, — к Катону, или к Пизону, или к Фаннию, или к Веннонию (хотя среди них один отличается большей, другой — меньшей силой изложения), то кто может быть скучнее всех этих людей? Правда, Целий Антипатр, современник Фанния, писал немного живее; именно он хотя и отличался грубой силой и необработанным языком и был лишен блеска и искусства, все же мог подвинуть остальных на то, чтобы они писали тщательнее. Но вот ему на смену пришли Геллий, Клодий и Аселлион; у них нет ничего общего с Целием, скорее есть нечто общее с бесцветностью изложения и неловкостью писателей старшего поколения.)

без всякой эмфазы, как будто просто по «обязанности хрониста». И тем не менее из всей сложной цепи событий, которые сопровождали рождение децемвирата, нескольких лет неожиданных поворотов и историй, сложно согласуемых с духом времени, именно посольство является моментом разрыва доверительных отношений с греко-римскими источниками, благодаря которым до нас дошел рассказ о политико-институциональной истории архаического Рима, вызревший затем в традиции анналистов⁶.

К источникам скорее историографическим необходимо добавить фрагмент из Дигест, где Помпоний так описывает истоки права:

«Затем, чтобы положить этому конец, государственной власти было угодно назначить децемвиров, с тем чтобы они обратились к греческим государствам за законами и на законах основали Римское государство. Записав эти законы на досках из слоновой кости, децемвиры поместили их перед Рострами (на Форуме), дабы эти законы были доступнее. На тот год им была дана высшая власть в государстве, чтобы они в случае необходимости исправляли (прежние) законы и толковали их, и обжалование их действий, как это было в отношении прочих магистратов, не допускалось. Они сами заметили, что в тех первых законах имеются пробелы и в следующем году прибавили к тем таблицам еще две: по причине этого добавления законы получили название «XII таблиц». Некоторые (авторы) сообщают, что инициатором принятия этих законов был для децемвиров некий Гермодор Эфесский, изгнанник, живший в Италии»⁷.

Гермодора Эфесского вспоминает и Плиний Старший: «В комиции была и статуя Гермодора из Эфеса, толкователя законов при децемвирах, когда они составляли их, посвященная от имени государства»⁸.

⁶ Традиционный рассказ о посольстве встречается также у *Zonaras* VII.18 и *Lydus*. De mag. I.34. О соотношении римского права и законодательства Солона см.: *Ammianus Marcellinus*. Rerum Gest. XXII, 16, 22; *Augustin*. De civit. Dei. XXII; *Arrianus*. Ars tact. XXXIII, 5; *Aur. Vict*. De vir. ill. 21; *Cassiodorus*. Chron. (ed. Mommsen in Abh. d. kön. Sachs. Ges. d. Wiss. VIII, 596); *Dio. Cass*. XLIV; *Eusebius*. Chron. II, 104; *Flor*. I.24.1; *Hieronymus*. Chron. II, 105; *Isidorus*. Orig. V.1.3; *Marcellinus* XVI, 5; XXII; *Orosius*. Hist. II.13; *Plin*. Epist. VI.24.4; *Servius*. In Virg. VII, 69516; *Porc. Latr*. In Cat. 20; *Flor*. I.17 (24.1); *Symmacus*. Epist. III.2.

⁷ D. 1.2.2.4: (Pomponius, *liber singularis enchiridi*) Postea ne diutius hoc fieret, placuit publica auctoritate decem constitui viros, per quos peterentur leges a graecis civitatibus et civitas fundaretur legibus: quas in tabulas eboreas perscriptas pro rostris composuerunt, ut possint leges apertius percipi: datumque est eis ius eo anno in civitate summum, uti leges et corrigerent, si opus esset, et interpretarentur neque provocatio ab eis sicut a reliquis magistratibus fieret. qui ipsi animadverterunt aliquid deesse istis primis legibus ideoque sequenti anno alias duas ad easdem tabulas adiecerunt: et ita ex accedenti appellatae sunt leges duodecim tabularum. quarum ferendarum auctorem fuisse decemviris hermodorum quendam ephesium exulantem in italia quidam rettulerunt.

⁸ *Plin*. Nat. hist. XXXIV.21: Fuit et Hermodori Ephesii in comitio, legum, quas decemviri scribebant, interpretis, publice dicata.

Согласно свидетельству Плиния статуя Гермодора, толкователя децемвирального права, стояла в комиции.

Согласно Помпонию заслуга культурного посредничества в контактах с греческим миром для выработки Законов XII таблиц принадлежит Гермодору Эфесскому, изгнаннику, которого приняли в Риме⁹.

Тексты литературной традиции прошли сложный путь через эпохи Средних веков и гуманизма и во многих отношениях еще покрыты тайной¹⁰. В итоге они оказались в Неаполе Джамбаттисты Вико, городе, где философ противостоял новой культуре Просвещения в лице ее представителя Джанноне¹¹. Это столкновение культур, в котором даже аргументы, вроде бы настолько далекие от политической и культурной сцены того времени, загораются интеллектуальной страстью.

Кратко воспроизведем нить этой дискуссии.

Чтобы понять причины, по которым факт отправки посольства был поставлен под сомнение, начать необходимо с «крестового похода» Вико в защиту автономии римской культуры. Неаполитанский философ считал, что расстояние между Римом и Грецией в V в. полностью исключает всякую возможность коммуникации. Во второй части всеобщего права — «*De constantia iurisprudentis*» — Вико посвящает много места этой теме,

⁹ Об участии Гермодора Эфесского см.: *Strab.* XIV.25(642) ἀνδρες δ' ἀξιόλογοι γεγόνασιν ἐν αὐτῇ [Erphesos] τῶν μὲν παλαιῶν Ἡ. τε ὁ Σκοτεινὸς καλούμενος καὶ Ἑρμόδωρος, περὶ οὗ ὁ αὐτὸς φησὶν “ἄξιον ... ἄλλων”. (Знаменитые люди родом из этого города следующие: в древние времена Гераклит, по прозванию Темный, и Гермодор, о котором сам Гераклит говорит: «...самый полезный среди них человек»... Этот человек, кажется, написал для римлян некоторые законы.)

¹⁰ Распространено мнение, что в Средние века теряется то доверие к децемвиральному своду, которое держалось до V–VI вв. О распространении текста в эпоху поздней Империи см.: DiIiberto 1997, 205 ss.; Idem 2005, 481 ss.; Idem 2014, 235 ss.

¹¹ Отношения между Вико и Джанноне и — шире — между неаполитанским философом и просвещенческими кругами задают рамки для дискуссии, которая развивалась начиная с XVII в., на тему происхождения права и соотношения греческого права и Законов XII таблиц. Об ощущении изоляции в Неаполе того времени см. у самого Вико: Vico 1968. Это дало повод долгое время считать теорию неаполитанского философа изолированной и не принадлежащей своему времени. Такое убеждение основано на соображениях, высказанных Бенедетто Кроче и Фаусто Николони, которые надолго определили такое же мнение о Вико (среди наиболее значимых работ следует назвать: Croce 1922; Croce, Nicolini 1947–1948; Nicolini 1932; Idem 1949; Idem 1949–1950; Idem 1955. Николони обязан своим появлением критическое издание работ Вико, напечатанное в типографии Латерца). «Новый курс» в изучении Вико обнаружил сложность указанных отношений и предложил другую версию присутствия Вико в неаполитанской культуре и — шире — в культуре Италии XVII в. Наиболее показательными работами на эту тему являются: Pontieri 1971; Mazzarino 1971; Giarrizzo 1980, 11 ss.; Idem 1981, 173 ss.; Agrimi 1999; Idem 1968, 3 ss. Обзор общей картины см.: Ratto 2000; Badaloni 2005, 129 ss., особенно 161 ss. (по поводу «современной дискуссии» о Вико). Эта переоценка роли Вико позволяет лучше проследить ход споров о греческом влиянии на XII таблиц. Большой интерес для нашего исследования представляет работа: Lomonaco 2005.

а в гл. XXXVI, озаглавленной «*Quid ex iure attico in XII tabulas importatum?*»¹², он намеревается показать «неосновательность легенды о законах, принесенных из Афин», и упрямо собирается опровергнуть идею происхождения децемвирального законодательства от аттического права. Гермодор, философ, изгнанный из Эфеса, был *non interpres legis XII tabularum, sed auctor*¹³, и ни природа, ни цели законодательства не соответствуют тем, которые приписываются ему традицией.

Важность законов преувеличена, согласно Вико важен был только аграрный закон, который мог быть первым шагом в сторону экономического освобождения сословия плебеев и все еще выражал настроения аристократической республики, склонной допускать все новое только в области частного права. Интерпретация, которую получил децемвиральный свод, ошибочна — опять же согласно Вико — в том, что он вместе с учредительными нормами *civitas* вызвал роковое искажение в процессе разделения патрициев и плебеев. Учреждение «гражданской республики» началось позже, с введением *leges Poetelia Papiria* и *Publilia Philonis*.

XII таблиц встречаются в сочинениях Вико еще не раз, например, в пространном «*Ragionamento*»¹⁴ или в виде постоянных отсылок в «Новой науке», вплоть до того, что они представляют вместе со сложными и страстными размышлениями один из основополагающих элементов в структуре всей системы. Из его соображений особенно важны те, которые содержатся в аксиоме ХСП¹⁵, где выражена суть его резкой точки зрения: «вульгарные традиции должны были иметь публичные основания в истине, из которой они рождаются и сохраняются целыми народами в течение длительного времени», хотя «истина», «меняя языки и наряды, скрывается ложью»¹⁶.

---

¹² *Vico G. De constantia iurisprudētis 1721 / A cura di P. Cristofolini // Opere giuridiche. Il Diritto universale. Firenze, 1974. P. 707 ss. (далее — De const.).*

¹³ *Vico G. De const., 711 s.*

¹⁴ *Vico G. Ragionamento primo dintorno alla legge delle XII Tavole venuta da fuori in Roma // Correzioni, Miglioramenti e Aggiunte Terze poste insieme con le Prime e le Seconde, e tutte ordinate per incorporarsi all'opera nella Ristampa della Scienza Nuova Seconda (BNN, ms. XIII D 80; далее — СМА³ согласно сокращениям Николлини); Idem. Cinque libri di Giambattista Vico de' Principi d'una Scienza Nuova d'intorno alla comune natura delle Nazioni in questa seconda impressione con più propria maniera condotti, e di molto accresciuti. Alla Santità di Clemente XII dedicati. Napoli, Mosca, 1730; воспроизведение неаполитанского манускрипта XIII H 59 с собственноручными заметками: a cura di F. Lomonaco e F. Tessitore con una Nota di M. Sanna. Napoli, 2002; критическое издание «La scienza Nuova», точно воспроизводящее издание 1744 г. с вариантами из издания 1730 г. и двух неизданных редакций: A cura di F. Nicolini, II // Opere di Giambattista Vico IV. Bari, 1928. P. 275 ss. cap. 1412–1454.*

¹⁵ Vico 2013, 78 ss.

¹⁶ Vico 2013, 64.

Это абсолютно новый метод исследования римских источников. Отторжение традиции Ливия и Дионисия, совершенно немислимое для теории неаполитанского философа, не переходит в отказ от этой традиции, наоборот, именно на ней основано вдохновение авторитетом Цицерона и особенно, как мы еще увидим, Полибия.

Дело, начатое Вико, было доведено до конца Паисом и Ламбером, чья критика основывается на полном отрицании историчности XII таблиц и отталкивается как раз от идеи греческого влияния на децемвиральный свод.

На страницах «Об истории и публичном праве Рима» Паиса¹⁷, посвященных XII таблицам, традиционный рассказ полностью разрушается на основании именно недостоверности легенды об отправке послов в Афины. Рассказу о посольстве дается довольно суровая оценка: никаких выводов нельзя сделать из упоминания имен послов, которые согласно традиции были представителями *gentes*, связанных с греческой культурой, и, напротив, то обстоятельство, что с 228 по 146 г. до н.э. представители этих *gentes* были призваны укреплять отношения с Грецией, могло бы послужить серьезным основанием для датировки рассказа о посольстве. Этот рассказ, видимо, появился между III и II вв., т.е. был уже известен Полибию, хотя, согласно Паису, все еще довольно рискованно приписывать авторство этой легенды кому-то из анналистов того времени¹⁸.

Таким образом, Паис исходит из предположения Вико о том, что посольства не было, и делает вывод, что «легенда» появилась в период наиболее тесных культурных связей между римским и греческим миром. Этот вывод позволяет ему занять ясную позицию в дискуссии о греческом влиянии на Законы XII таблиц. Хотя он считает самой настоящей выдумкой как посольство, так и участие Гермодора Эфесского в составлении свода, а также традицию, согласно которой Залевк и Пифагор получили римское гражданство, а Нума Помпилий был учеником философа из Кротона, все же XII таблиц содержали нормы, вдохновленные греческим правом. Как раз присутствие греческих принципов и создало легенду. Нормы о братствах, об *actio finium regundorum* и о пресечении излишнего плача на похоронах стали верным признаком проникновения греческого права в Законы XII таблиц, которое произошло, вероятно, через посредничество «некоего ионийского города в южной Италии»¹⁹.

Именно это вызвало мнение об аутентичности традиционного рассказа о децемвирате. Хотя влияние греческого права на нормы публичного пра-

---

¹⁷ Pais 1915a, 2, 47, 129, 143, 147, 179.

¹⁸ Ibidem, 159.

¹⁹ Ibidem, 162.

ва в Законах XII таблиц и признается, но такого влияния не могло быть ранее IV в. Существования торговых связей и заимствования религиозных культов в Риме V в. недостаточно для признания заимствования правовых норм. Чтобы допустить «переливание» нормативной базы подобной важности, необходимо было, по мнению Паиса, наличие глубокой политической связи между Римом и городами Греции и Великой Греции, а такая связь могла созреть только после победы Гиерона над тирренцами и упрочения греческих колоний – Турий и Неаполя, – наиболее близких к Риму; по сути после галльского пожара, когда Рим стал развиваться в сторону захвата территории Кампании, произошел этот толчок в сторону эллинизма, сильно повлиявший на правящее сословие²⁰.

Гиперкритика Паиса – это не последняя стадия разрушения традиционного рассказа, до крайности его довел Ламбер²¹: Законы XII таблиц следует датировать II в., и они были плодом работы нескольких юристов, в первую очередь Секста Элия²², создавших на основе греческой модели государственного устройства набор юридических максим, которые имели литературную ценность и состояли из древних правил, сохранившихся в устной традиции, собранных в сборнике *de brocards juridiques*, даже если некоторые из них и перестали уже применяться. В своей наиболее инновационной части законодательство меняло принципы государственного устройства Афин и городов Великой Греции, знание которых, опять же устным путем, распространялось в Риме в эпоху после Пунических войн через филэллинские круги²³.

Достоверность рассказа о посольстве в Афины еще менее обоснована. Отсюда веет «рассуждениями» Вико, хотя и преобладает идея греческого происхождения XII таблиц.

В русле идей Паиса находится и мысль о том, что нормы были собраны в Риме в период между III и II вв., которые, как известно, характеризуются процессом эллинизации, хорошо заметным в театре, в поэзии и вообще в культурной сфере.

---

²⁰ См. прежде всего: Pais 1894, 228 ss.; Idem 1898, 550 ss.; Idem 1915b, 42 ss., 203 ss. Позиция автора становится еще более критической в: Idem 1927, 229 ss.

²¹ Lambert 1902. Тезисы французского ученого были развиты в последующие годы, что частично было вызвано критикой, которую немедленно спровоцировала его первая работа: Idem 1903a, 3 ss.; Idem 1903b, 503 ss. Хотя Ламберт пытался наравне с Паисом деконструировать традиционный рассказ, идеи французского ученого были сурово встречены последним в: Pais 1915a, 51 ss.

²² Lambert 1902, 31. Ученый характеризует Секста Элия как человека сдержанного, призванного быть посредником между «националистическим фанатизмом Катона и маньером неофитов к эллинизации».

²³ Ibidem, 30 s.

Сегодня, конечно, тезисы Вико, Ламбера и Паиса кажутся давно преодоленными²⁴, переоценка источников стала неотъемлемым элементом исторического анализа, и никому и в голову не придет ставить под сомнение существование децемвирата и Законов XII таблиц²⁵, но тем не менее тенденция считать посольство выдумкой римских интеллектуалов последних веков Республики, которая появилась из-за их потребности искать отсылки к греческой культуре в истории XII таблиц, все еще широко присутствует в последних работах историков²⁶.

Таким образом, между греческим правом, законодательством децемвиров и посольством существует совершенно прямая связь²⁷.

Эти две темы все еще продолжают часто переплетаться и накладываться, хотя исследования последних десятилетий заложили основы их концептуального разделения, при этом авторы осознают все же, что некоторые рассуждения могут и должны касаться их обеих²⁸.

---

²⁴ Объем статьи не позволяет достаточно подробно углубиться в дискуссию о литературной традиции, открытую именно событиями децемвирата. Отметим здесь только позицию: Cornewall Lewis 1855, 198 ss., которая находится под тем же знаком гиперкритики. Другая гиперкритически ориентированная работа: Baviera 1914, 133 ss. Среди работ, посвященных дискуссии о посольстве и написанных во второй половине XIX – начале XX вв., которые тоже содержат резкие критические высказывания, но не стремятся полностью дискредитировать традиционный рассказ, отметим следующие: Hofmann 1870; Boesch 1893 (к аргументам этого автора мы еще вернемся далее). Реконструкцию проблемы см. также в: Täubler 1921, 60 ss. Существование посольства отрицается также и теми, кто высказывался резко против гиперкритической интерпретации Паиса и Ламберта: Girard 1902, 381 ss., 393 ss. Позиция этого автора была несколько ослаблена в: Idem 1918, 22. Критическая ориентация сохраняется в: Lenel 1902, 450 ss.; Idem 1905, 448 ss.; De Sanctis 1907, 44 ss.; Binder 1909, 275, 518; Costa 1909, 11; Niese 1910, 80 s. К направлению, поддерживающему идею посольства, относятся среди прочего: Lattes 1884, 10 ss.; Mommsen 1886, 63 ss. Интересное мнение высказал Ланге о целях посольства: Lange 1876, 616 ss. Фундаментальными работами в рамках дискуссии являются: Voigt 1883, 10 ss.; Karlowa 1885, 103 ss.; Cuc 1904, 33. Сложность соотношения римского права и правовых систем греческих полисов отмечается в работе: Mitteis 1908, 10 ss.

²⁵ Наиболее важны замечания Виакера: Wieacker 1967, 293 ss. Новую гиперкритическую позицию по вопросу существования самих XII таблиц заняла Фёген, исходя именно из рассказа о посольстве: Fögen 2005, 55 ss. Автор называет рассказ Ливия о посольстве «big bang», который призван изобразить «изначальный взрыв» права; история XII таблиц, согласно Фёгену, является «мифом, который отражает невидимый исток социальной системы». В таком контексте «приобретает смысл глава о посольстве в Грецию и о заимствовании права».

²⁶ Резкая критическая направленность заметна в: Ducos 1978, 13 ss.; Siewert 1978, 331 ss.; Poma 1984; Fögen 2005, 55 ss. Исторический характер посольства отрицается также в фундаментальных работах, посвященных периоду децемвиров: Humbert 1998, 87 ss.; Idem 2005.

²⁷ Подробное исследование с внушительным списком литературы см. в: Volterra 1937, 180. Автор отрицает всякую зависимость Таблиц от греческого законодательства, хотя и не отвергает возможности того, что децемвиры производили с ним сравнение.

²⁸ Altheim 1934, 128 ss.; Wieacker 1956, 468 ss.; Idem 1967, 340; Idem 1971, 757–784; Schulz 1934, 5; Crifò 1972, 115 ss. Этот аргумент был подхвачен Мартини: Martini 1999, 22 s.

Естественно, историческая достоверность посольства оспаривается в большей части исследований, где законодательство децемвиров считается свободным от греческого влияния²⁹, тогда как противоположные мнения высказываются в работах, выделяющих в Законах XII таблиц нормативные элементы, чуждые правопорядку Рима того времени. В таком случае, исключая гиперкритические мнения, связывающие законодательство децемвиров с поздним греческим влиянием³⁰, продолжительность деятельности посольства определяется в зависимости от модели государственного устройства, на которую ориентировались децемвиры. Утверждается, что римские послы прибыли в Афины в тот период, когда там действовало скорее законодательство Солона, а не Гортинские таблицы, конституция Залевка или Харонда³¹.

Однако не все историографы, склонные верить в греческое влияние на Законы XII таблиц, допускают факт отправки посольства³², потому что рецепция могла произойти и другим путем, например, благодаря участию в работе над Законами того самого Гермодора, изгнанника из Эфеса, о котором упоминают источники.

Проблемы, связанные с достоверностью данных о посольстве, имеют, следовательно, различную природу и все напрямую связаны с соотношением XII таблиц и греческих законодательств³³.

Доводы против достоверности источников можно перечислить следующие³⁴:

---

²⁹ В этом контексте см., например: Ruschenbusch 1963, 250–253; Ogilvie 1965; Ciulei 1969, 21 ss.

³⁰ В литературе еще встречается идея, которую в некоторой степени можно возвести к работам Вико, о том, что рассказ анналистов является переработкой реального греческого влияния, которое в разной мере прослеживается в духе, характере и содержании: Delz 1966, 69–83, в особенности 79, nt. 19; Wieacker 1971, 766 ss.; Idem 1967, 344 ss.

³¹ См., в частности: Voigt 1883, 15 s.; Wilamowitz-Moellendorff 1921, 33 ss.; Idem 1932, 335, nt. 1; Westrup 1954, 106 ss.; Ferenczy 2001.

³² Подробнее об этом см.: Balogh 1948, 1 ss., где можно найти более точную библиографию; Wieacker 1967, 293 ss.; Idem 1971, 757 с более полной «схемой» аргументации. См. также: Bretone 1992, 79, где автор уделяет особое внимание этой теме и вносит свой вклад в усиление скептической позиции по поводу рассказа о посольстве, считая достоверным только греческое влияние на Законы XII таблиц.

³³ Хотя эта тема более не пользуется тем же «страстным» интересом, как в конце XIX – первых десятилетиях XX вв., все еще встречается достаточно много положительных мнений о литературной традиции о посольстве. См., например: Norden 1939, 254 ss.; Balogh 1948, 11 ss.; Frezza 1954, 117; Mazzarino 1966, 202. Подробный анализ см.: Gioffredi 1947–1948, 34. Ссылки на более поздние исследования см.: Crifò 1972, 120 ss.; Tondo 1981, 187 ss., где автор учитывает это в своей более общей «докритической» теории, достойной всестороннего внимания и совместимой с присутствием Гермодора Эфесского.

³⁴ См.: Crifò 1972, 133.

1) есть сомнения, что уже в V в. характер отношений Рима с Грецией, в частности с Афинами, допускал появление идеи, что греческие нормы о государственном устройстве могут стать основой для модели римского правопорядка;

2) источники дают различные сведения: Полибий и Цицерон вроде бы ничего не знают о посольстве; Плиний и Помпоний передают параллельную традицию, согласно которой роль культурного посредника приписывается Гермодору Эфесскому, коллеге децемвиров при создании XII таблиц.

Оттолкнемся от этого второго тезиса о связности информации источников.

В этом аспекте обвинение в ложности основывается в первую очередь на труде Полибия.

Первое из упоминаемых мест и есть, очевидно, *sedes materiae* — это следующий текст Полибия:

«И опять, когда такую власть по наследству от отцов получили сыновья, не испытавшие несчастий, совершенно незнакомые с требованиями общественного равенства и свободы, с самого начала воспитанные под сенью власти и почестей родителей, тогда одни из таких правителей отдавались корыстолюбию и незаконному стяжанию, другие предавались пьянству и сопутствующему ему ненасытному обжорству, третьи насиловали женщин и похищали мальчиков, и таким-то образом извратили аристократию и олигархию. Они же вскоре возбудили в толпе настроение, подобное только что описанному; поэтому и для них переворот кончился столь же бедственно, как и для тиранов»³⁵.

Умолчание Полибия для многих стало решающим аргументом³⁶. Отсутствие всякого упоминания о посольстве в рассказе о событиях периода децемвиров питало убеждение в том, что рассказ Ливия и Дионисия стал плодом «выдумки» более позднего времени.

Полибия в этом деле вспоминают и по другой причине. Греческий историк противопоставляет системы государственного устройства Рима и Карфагена. Сравнение устройства «самых известных свободных республик» побуждает Полибия определить в VI книге³⁷ римское государствен-

³⁵ *Polib.* VI.8.5–6: ὁμήσαντες οἱ μὲν ἐπὶ πλεονεξίαν καὶ φιλαργυρίαν ἄδικον, οἱ δ' ἐπὶ μέθας καὶ τὰς ἄμα ταύταις ἀπλήτους εὐωχίας, οἱ δ' ἐπὶ τὰς τῶν γυναικῶν ὕβρεις καὶ παίδων ἀρπαγὰς, μετέστησαν μὲν τὴν ἀριστοκρατίαν εἰς ὀλιγαρχίαν, ταχὺ δὲ κατεσκεύασαν ἐν τοῖς πλήθεσι πάλιν τὰ παραπλήσια τοῖς ἄρτι ῥηθεῖσι: διὸ καὶ παραπλήσιον συνέβαινε τὸ τέλος αὐτῶν γίνεσθαι τῆς καταστροφῆς τοῖς περὶ τοὺς τυράννους ἀτυχῆ.

³⁶ Ссылки на литературу см.: Ciulei 1969, 350 ss.; на более поздние издания: Ducos 1978, 16 ss.

³⁷ *Polib.* VI.50–51: τίνοος οὖν χάριν εἰς ταῦτα παρεξέβην; ἵνα γένηται δι' αὐτῶν τῶν πραγμάτων συμφανὲς ὅτι πρὸς μὲν τὸ τὰ σφέτερα βεβαίως διαφυλάττειν καὶ πρὸς τὸ τὴν ἐλευθερίαν τηρεῖν αὐτάρκης ἐστὶν ἡ Λυκούργου νομοθεσία, [2] καὶ τοῖς γε τοῦτο

ное устройство как наиболее близкое карфагенскому, которое коренным образом отличается от афинского и спартанского. Пунийский город, кото-

τὸ τέλος ἀποδεχομένοις τῆς πολιτείας συγχωρητέον ὡς οὐτ' ἔστιν οὔτε γέγονεν οὐδὲν αἰρετώτερον τοῦ Λακωνικοῦ καταστήματος καὶ συντάγματος. [3] εἰ δέ τις μειζόνων ἐφίεται, κάκεινον κάλλιον καὶ σεμνότερον εἶναι νομίζει τὸ πολλῶν μὲν ἠγεῖσθαι, πολλῶν δ' ἐπικρατεῖν καὶ δεσπόζειν, πάντας δ' εἰς αὐτὸν ἀποβλέπειν καὶ νεύειν πρὸς αὐτόν, [4] τῆ δέ πη συγχωρητέον τὸ μὲν Λακωνικὸν ἐνδεές εἶναι πολίτευμα, τὸ δὲ Ῥωμαίων διαφέρειν καὶ δυναμικωτέραν ἔχειν τὴν σύστασιν. [5] δῆλον δὲ τοῦτ' ἐξ αὐτῶν γέγονε τῶν πραγμάτων. Λακεδαίμονιοι μὲν γὰρ ὀρμήσαντες ἐπὶ τὸ κατακτᾶσθαι τὴν τῶν Ἑλλήνων ἡγεμονίαν, ταχέως ἐκινδύνευσαν καὶ περὶ τῆς σφετέρας ἐλευθερίας: [6] Ῥωμαῖοι δὲ τῆς Ἰταλιωτῶν αὐτῶν ἐπιλαβόμενοι δυναστείας, ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ πᾶσαν ὑφ' ἑαυτοῦς ἐποιήσαντο τὴν οἰκουμένην, οὐ μικρὰ πρὸς τὸ καθικέσθαι τῆς πράξεως ταύτης συμβαλλομένης αὐτοῖς τῆς εὐπορίας καὶ τῆς ἐτοιμότητος τῆς κατὰ τὰς χορηγίας. τὸ δὲ Καρχηδονίων πολίτευμα τὸ μὲν ἀνέκαθ' ἐν μοι δοκεῖ καλῶς κατὰ γὰρ τὰς ὁλοσχερεῖς διαφορὰς συνεστάσθαι. [2] καὶ γὰρ βασιλεῖς ἦσαν παρ' αὐτοῖς, καὶ τὸ γερόντιον εἶχε τὴν ἀριστοκρατικὴν ἐξουσίαν, καὶ τὸ πλήθος ἦν κύριον πρὸς τὸ καθικέσθαι αὐτῶν: καθόλου δὲ τὴν τῶν ὄλων ἀρμογὴν εἶχε παραπλησίαν τῇ Ῥωμαίων καὶ Λακεδαίμονίων. [3] κατὰ γὰρ μὴν τοὺς καιροὺς τούτους, καθ' οὓς εἰς τὸν Ἀννιβιακὸν ἐνέβαινε πόλεμον, χειρὸν ἦν τὸ Καρχηδονίων, ἄμεινον δὲ τὸ Ῥωμαίων. [4] ἐπειδὴ γὰρ παντὸς καὶ σώματος καὶ πολιτείας καὶ πράξεώς ἐστὶ τις αὐξησις κατὰ φύσιν, μετὰ δὲ ταύτην ἀκμὴ, κάπειτα φθίσις, κράτιστα δ' αὐτὰν ἐστὶ πάντα τὰ κατὰ τὴν ἀκμὴν, παρὰ τοῦτο καὶ τότε διέφερον ἄλληλων τὰ πολιτεύματα. [5] καθ' ὅσον γὰρ ἡ Καρχηδονίων πρότερον ἴσχυε καὶ πρότερον εὐτύχει τῆς Ῥωμαίων, κατὰ τοσοῦτον ἢ μὲν Καρχηδόνων ἦδη τότε παρήκμαζεν, ἢ δὲ Ῥώμη μάλιστα τότε εἶχε τὴν ἀκμὴν κατὰ γὰρ τὴν τῆς πολιτείας σύστασιν. [6] διὸ καὶ τὴν πλείστην δύναμιν ἐν τοῖς διαβουλίαις παρὰ μὲν Καρχηδονίοις ὁ δῆμος ἦδη μετελήφει, παρὰ δὲ Ῥωμαίοις ἀκμὴν εἶχεν ἡ σύγκλητος. [7] ὅθεν παρ' οἷς μὲν τῶν πολλῶν βουλευομένων, παρ' οἷς δὲ τῶν ἀρίστων, κατίσχυε τὰ Ῥωμαίων διαβούλια περὶ τὰς κοινὰς πράξεις. [8] ἢ καὶ πταίσαντες τοῖς ὄλοις τῶ βουλευέσθαι καλῶς τέλος ἐπεκράτησαν τῷ πολέμῳ τῶν Καρχηδονίων. *(Ради чего я сделал это отступление? Ради того, чтобы на деле показать, что законодательство Ликурга вполне пригодно для прочного охранения собственных владений и для удержания свободы, и что если кто в этом полагает цель государственного общежития, то должен согласиться, что нет и не было лучшего общественного порядка и устройства, чем лаконские. Если, напротив, возжелания какого-либо народа идут дальше, если власть и главенство над многими народами кажутся кому прекраснее и почтеннее упомянутого выше положения, если народ желает, чтобы на него устремлены были взоры всех и все от него зависели бы, то он должен признать, что для такой цели Лаконское государство не пригодно, что Римское государство выше его и лучше приспособлено к достижению этой цели. Да и опыт ясно показал это. Так, в стремлении к главенству над эллинами лакедемоняне тотчас подверглись опасности утратить и собственную свободу, тогда как римляне по достижении владычества над одними только италийцами в короткое время подчинили себе всю обитаемую землю, чему много содействовало еще их благосостояние и легкость в получении необходимых средств. Что касается государства карфагенян, то, мне кажется, первоначально оно было устроено превосходно, по крайней мере в главном. Так, у них были цари, совет старейшин имел аристократическую власть, и народ пользовался своими правами в должной мере. Вообще по своему устройству карфагенское государство в целом походило на римское и лакедемонское. Но уже к тому времени, когда карфагеняне начали Ганнибалову войну, государство их было хуже римского. Так как всякое тело, всякое государство и всякое предприятие согласно природе проходят состояние возрастания, потом расцвета и, наконец, упадка, так как все находится в наилучшем виде в пору расцвета, то во время этой войны и обнаружилась разница между двумя государствами. Государство карфагенское раньше окрепло и преуспело, нежели римское, поэтому Карфаген уже отцветал в это время, а Рим, по крайней мере в отношении государственных учреждений, находился в самом цветущем состоянии. Вот почему у карфагенян наибольшую силу во всех начинаниях имел тогда народ, а у римлян — лучшие граждане, и потому решения римлян в делах государственных были разумнее. Вот почему, невзирая на полное крушение вначале, они под конец войны, благодаря мудрости мероприятий, восторжествовали над карфагенянами.)*

рый автор считает наиболее близким Риму по форме, одновременно обозначается как «самый непохожий» на города греческие.

Эта точка зрения в дискуссии историков стала основной опорой для критики источников начиная с Вико, по мнению которого, если для Полибия римское государственное устройство близко карфагенскому, а это последнее наиболее далеко отстоит от греческих, то своду децемвиров вообще нечего было заимствовать из греческих законов.

Следовательно, во времена Полибия не было и следа «той легенды о греческих законах, пришедших из Афин, чтобы учредить свободное и народное управление»³⁸. «Писатель, наиболее сведущий в государствах»³⁹, — это слова Вико о Полибии, который, по мнению неаполитанского философа, не оставил бы без внимания возможность высказаться о причинах этой разницы, если бы государственное устройство Рима было основано на пунийской модели, а правопорядок — на греческом архетипе⁴⁰.

Аргументы неаполитанского философа открывают дорогу различным мнениям о знакомстве Полибия с рассказом о посольстве.

Значительный интерес представляет, кроме того, и другое место в истории Полибия (II.12.7)⁴¹, где воспроизводится информация о том, что в 228 г. до н.э. после окончания Первой Иллирийской войны состоялся первый контакт между Римом и Грецией. Такое обстоятельство могло бы полностью исключить отправку послов в Грецию в предшествующие эпохи.

Но, как заметил Шмитт, причиной отнесения первого контакта между Грецией и Римом к 228 г. до н.э. может быть то, что Полибий с полным безразличием относится к контактам, происходившим в такую эпоху, какой была эпоха децемвиров, когда римская *civitas* считалась бастионом между миром варваров и миром греков⁴².

Я думаю, что, кроме наблюдения Шмитта, можно найти еще несколько источников, свидетельствующих против вывода, сделанного из рассказа Полибия. В рассказе анналиста упоминаются посольства ранее 228 г. до н.э. Есть информация о посольстве 293 г. до н.э. в Эпидавр, 273 г. до

---

³⁸ Vico 2013, 80.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ *Polib.* II.12.7: ἡ μὲν οὖν πρώτη διάβασις Ῥωμαίων μετὰ δυνάμεως εἰς τὴν Ἰλλυρίδα καὶ ταῦτα τὰ μέρη τῆς Εὐρώπης, ἔτι δ' ἐπιπλοκὴ μετὰ πρεσβείας εἰς τοὺς κατὰ τὴν Ἑλλάδα τόπους τοιάδε καὶ διὰ ταύτας ἐγένετο τὰς αἰτίας. (Такова была первая переправа римлян с войском в Иллирию и соседние части Европы; таковы и по таким причинам были первые сношения их через посольство с народами Эллады.)

⁴² Schmitt 1957–1958, 1 ss.

н.э. к Птолемею Филадельфу и опять же об относящихся к более раннему времени посольствах к ахарнянам⁴³.

В историческое время (следовательно, нет оснований считать эти сведения выдумкой анналистов) контакты Рима с эллинским миром не были единичным явлением и ранее даты, указанной греческим историком. Можно спорить о важности этой информации, но следует исключить то, что она может доказывать отсутствие более ранних посольств.

Вполне возможно определить на основе рассматриваемого фрагмента Полибия дату официального начала дипломатических связей, а не отправки первого посольства, что для 228 г. до н.э. было обстоятельством практически невообразимым⁴⁴. Дополнительно можно также предположить, что Полибию были неизвестны другие посольства или что он намеренно указал неточную дату – сомнений в его надежности при изложении политических тем (как показал Санти Мадзарينو) точно не меньше, чем сомнений в более поздней историографии⁴⁵.

Какой бы аргумент ни использовался для объяснения «молчания» Полибия, он все равно не может привести к отрицанию существования предшествующих посольств.

Помимо вопроса о посольствах, который, несомненно, помогает понять и пределы труда Полибия, необходимо сказать несколько общих слов о его свидетельстве:

1) выводы по аргументации из умолчания в данном случае должны быть по крайней мере гораздо осторожнее; более того, следует быть более осмотрительным, когда в источнике как во фрагменте с рассказом о событиях эпохи децемвиров много лакун⁴⁶;

2) тема соотношения между Римом/Карфагеном и греческими полисами, по моему мнению, поставлена не очень правильно: только если бы Полибий избрал темой своего рассуждения сравнение правопорядков, а не систем правления, можно было бы делать какие-то выводы из умолчания.

---

⁴³ Об ахарнянах см.: *Justin*. XXVIII.1.5. Ср.: De Sanctis 1907, 41, nt. 9; Ducos 1978, 16; D'Ippolito 1988b, 48 ss. со ссылками на историографию.

⁴⁴ Это уже подчеркивалось в: Roma 1984, 38.

⁴⁵ Mazarino 1966, 118.

⁴⁶ Скучный интерес Полибия к древнейшей истории отмечали те же авторы, кого озадачивает умолчание об эпизоде с посольством. В первую очередь см.: Roma 1984, 81 ss. Кроме того, следует отметить, что политический интерес Полибия состоит в том, чтобы показать превосходство римского государственного устройства над греческим, поэтому упоминание посольства, конечно, не помогло бы ему подкрепить свою теорию.

Следовательно, «умолчание» Полибия, похоже, не приводит в настолько сильное замешательство, как считалось ранее⁴⁷.

Цели работы, методы, с которыми греческий автор подходит к истории дореспубликанского периода, те же интересы, которые можно выявить у него в отношении опыта децемвиров, и пределы, в которых позволяет оперировать фрагментарность рассказа, насколько мне представляется, не дают возможности увидеть в умолчании доказательство «выдумки» информации о посольстве.

Кроме умолчания Полибия и в непосредственной связи с ним, объектом обсуждения стало и «нашумевшее молчание» Цицерона⁴⁸.

Ученые заметили, что посольство не упоминается в пассаже из «De re publica», где Цицерон обсуждает децемвират⁴⁹, хотя в «De legibus» он

⁴⁷ Poma 1984, 87 ss.

⁴⁸ Poma 1976–1977, 129 ss. (со ссылками на литературу); Idem 1984, 95; Ducos 1978, 24 ss.

⁴⁹ *Cic. De rep. II.36.61–62: Sed aliquot ante annis, cum summa esset auctoritas in senatu populo patiente atque parente, inita ratio est, ut et consules et tribuni pl. magistratu se abdicarent, atque ut xviri maxima potestate sine provocatione crearentur, qui et summum imperium haberent et leges scriberent. Qui cum x tabulas summa legum aequitate prudentiaque conscripsissent, in annum posterum decemviros alios subrogaverunt, quorum non similiter fides nec iustitia laudata. Quo tamen e collegio laus est illa eximia C. Iulii, qui hominem nobilem, L. Sestium, cuius in cubiculo ecfossum esse se praesente mortuum diceret, cum ipse potestatem summam haberet, quod decemvirum sine provocatione esset, vades tamen poposcit, quod se legem illam praeclaram neglecturum negaret, quae de capite civis Romani nisi comitiis centuriatis statui veta-ret. Tertius est annus xviralis consecutus, cum iidem essent nec alios subrogare voluissent. In hoc statu rei publicae, quem dixi iam saepe non posse esse diuturnum, quod non esset in omnibus civitatis aequabilis, erat penes principes tota res publica praepositis xviris nobilissimis, non oppositis tribunis pl., nullis aliis adiunctis magistratibus, non provocatione ad populum contra necem et verbera relicta Ergo horum ex iniustitia subito exorta est maxima perturbatio et totius commutatio rei publicae; qui duabus tabulis iniquarum legum additis, quibus, etiam quae diiunctis populis tribui solent conubia, haec illi ut ne plebei cum patribus essent, inhumanissima lege sanxerunt, quae postea plebei scito Canuleio abrogata est, libidino-seque omni imperio et acerbe et avare populo praefuerunt. Nota scilicet illa res et celebrata monumentis plurimis literarum, cum Decimus quidam Verginius virginem filiam propter unius ex illis xviris intemperiam in foro sua manu interemisisset ac maerens ad exercitum, qui tum erat in Algido, confugisset, milites bellum illud, quod erat in manibus, reliquisset et primum montem sacrum, sicut erat in simili causa antea factum, deinde Aventinum armatos insedisisset. (Но несколькими годами ранее, когда сенат обладал высшим авторитетом, а народ соглашался и повиновался ему, было принято решение о том, чтобы консулы и плебейские трибуны отказались от своих магистратур, и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем и составили законы. После того, как они составили десять таблиц законов, проявив при этом необычайную справедливость и пронциательность, они провели выборы других децемвиров на следующий год, но ни честность, ни справедливость последних не удостоились такой же высокой хвалы. Однако и в этой коллегии выдающуюся хвалу заслужил Гай Юлий; он потребовал представления поручителей от знатного Луция Сестия, в спальне которого в присутствии Гая Юлия, по его словам, был вырыт труп человека (хотя сам Луций Сестий обладал высшей властью, так как он, будучи одним из децемвиров, был избавлен от возможности про-*

недвусмысленно называет законодательство Солона в качестве источника Законов XII таблиц⁵⁰. Ситуация со свидетельством Цицерона крайне сложна из-за еще одного фрагмента «De legibus», где оратор занимается интерпретацией архаических слов, в частности термина «lessum», который встречается в тексте Законов XII таблиц. Цицерон вспоминает, как Секст Элий испытывал сложности с поиском его значения, когда составлял «Triperita». Все это еще раз обсуждается в известном пассаже из «De

---

вокации); Гай Юлий, по его славам, не собирался пренебречь превосходным законом, разрешавшим только в центуриатских комициях выносить постановление о жизни и смерти римского гражданина. Наступил третий год децемвирата; оставались те же децемвиры, противившиеся избранию других на их место. При таком положении в государстве, которое, как я уже не раз говорил, не может быть продолжительным, так как всем сословиям граждан не предоставляется одинаковых прав, вся власть была в руках первенствовавших людей, так как во главе государства были поставлены знатнейшие децемвиры; им не были противопоставлены плебейские трибуны; при децемвирах не было никаких других магистратов, и не было сохранено право провокации к народу, если гражданину грозила казнь или наказание розгами. И вот, вследствие несправедливости децемвиров внезапно начались сильные потрясения, и произошел полный государственный переворот. Ибо децемвиры, прибавив две таблицы несправедливых законов, бесчеловечным законом воспретили браки между плебеями и «отцами», хотя обыкновенно разрешаются даже браки с иноземцами (закон этот был впоследствии отменен Канулеевым плебисцитом), и, в силу своего империя творя всяческий произвол, правили народом жестоко и своекорыстно. Всем, конечно, хорошо известно (об этом говорят и очень многие литературные произведения), как из-за необузданности одного из этих децемвиров некий Децим Вергиний своей рукой убил на форуме дочь-девушку и, охваченный горем, бежал к войску, тогда стоявшему на горе Альгиде; воины отказались продолжать военные действия, которые они вели, и с оружием в руках сперва заняли Священную гору (подобно тому, как некогда произошло в таком же случае), а затем и Авентинский холм.)

⁵⁰ Cic. De leg. II.23.59: *Iam cetera in XII minuendi sumptus sunt lamentationisque funebris, translata de Solonis fere legibus. 'Hoc plus' inquit 'ne facito. Rogum ascea ne polito.' Nostis quae sequuntur. Discebamus enim pueri XII ut carmen necessarium, quas iam nemo discit. Extenuato igitur sumptu tribus reciniis et tunicula purpurea et decem tibicinibus, tollit etiam <nimiam> lamentationem: 'Mulieres genas ne radunto neve lessum funeris ergo habento.'* Hoc veteres interpretes Sex. Aelius L. Acilius non satis se intellegere dixerunt, sed suspicari vestimenti aliquod genus funebris, L. Aelius lessum quasi lugubrem eiulationem, ut vox ipsa significat. Quod eo magis iudico verum esse quia lex Solonis id ipsum vetat. Haec laudabilia et locupletibus fere cum plebe communia. Quod quidem maxime e natura est, tolli fortunae discrimen in morte. (Другие предписания Двенадцати Таблиц, ограничивающие расходы на погребение и оплакивание умершего, в общем перенесены в них из законов Солона. «Сверх этого, — говорится там, — ничего не делать». «Костра не выравнять топором». Продолжение вы знаете; ведь мы в детстве заучивали законы Двенадцати Таблиц как обязательную песнь; ныне никто не заучивает их. И вот, ограничив расходы изготовлением трех головных покрывал и пурпурной туники и платой десятиртым флейтистам, закон упраздняет неумеренное оплакивание: «Во время похорон женщины не должны ни царапать себе щек, ни испускать воплей [lessum]!». Древние истолкователи Секст Элий и Луций Ацилий говорили, что они не вполне понимают это место, но предполагают, что «лесс» — особая одежда для похорон; Луций Элий же думает, что это какое-то горестное рыдание, как показывает само слово. Такое объяснение кажется мне более правильным, потому что закон Солона именно это и запрещает. Такие указания похвально и одинаково относятся и к богатым людям, и к плебсу. Это вполне сообразно с природой: со смертью имущественное различие уничтожается.)

oratore»⁵¹, где Цицерон решительно заявляет о превосходстве римского права над всеми остальными системами права древности.

Посмотрим, возможно ли найти подход, который позволит восстановить изначальную картину по этой россыпи указаний. Для этого наденем ненадолго те «линзы», которыми пользовалась предшествующая историография при изучении свидетельств Цицерона.

Начнем с тезиса Бёша⁵², который считал, что информация о посольстве была совершенно незнакома Цицерону по крайней мере до 55 г. до н.э., и отсюда обратным путем Бёш приходит к выводу, что эта традиция не была известна Луцию Элию Стилону, у которого черпал сведения Варрон, на которого постоянно ссылается Цицерон. У того же Цицерона автор находит убедительные аргументы в пользу того, что Секст Элий не знал о связи между законами Солона и децемвиральным сводом; Цицерон цитирует извест-

⁵¹ Cic. De orat. I.195–197: (195) Fremant omnes licet, dicam quod sentio: bibliothecas me hercule omnium philosophorum unus mihi videtur xii tabularum libellus, si quis legum fontis et capiti viderit, et auctoritatis pondere et utilitatis ubertate superare. (196) Ac si nos, id quod maxime debet, nostra patria delectat, cuius rei tanta est vis ac tanta natura, ut Ithacam illam in asperrimis saxulis tamquam nidulum adfixam sapientissimus vir immortalitati anteponeret, quo amore tandem inflammati esse debemus in eius modi patriam, quae una in omnibus terris domus est virtutis, imperi, dignitatis? Cuius primum nobis mens, mos, disciplina nota esse debet, vel quia est patria parens omnium nostrum, vel quia tanta sapientia fuisse in iure constituendo putanda est quanta fuit in his tantis opibus imperi comparandis. (197) Percipietis etiam illam ex cognitione iuris laetitiam et voluptatem, quod, quantum praestiterint nostri maiores prudentia ceteris gentibus, tum facillime intellegitis, si cum illorum Lыcurgo et Dracone et Solone nostras leges conferre volueritis; incredibile est enim, quam sit omne ius civile praeter hoc nostrum inconditum ac paene ridiculum; de quo multa soleo in sermonibus cotidianis dicere, cum hominum nostrorum prudentiam ceteris omnibus et maxime Graecis antepono. His ego de causis dixeram, Scaevola, eis, qui perfecti oratores esse vellent, iuris civilis esse cognitionem necessariam. (Да, пусть все возмущаются, но я выскажу свое мнение: для всякого, кто ищет основ и источников права, одна книжица Двенадцати Таблиц весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки всех философов. 196. И если нам должным образом дорога наша родина, любовь к которой врождена в нас с такой силою, что мудрейший муж Итаку свою, точно гнездышко, прилепленную к зубчикам ее скал, предпочитал бессмертию, — какую же тогда любовью должны мы пламенеть к такой родине, которая единственная из всех стран есть обитель доблести, власти и достоинства! Первым делом нам следует изучить ее дух, обычаи и порядки; как потому, что это есть родина, общая наша мать, так и потому, что одна и та же великая мудрость проявляется и в ее мозучей власти, и в ее правовых установлениях. 197. Оттого-то знание права и доставит вам радость и удовольствие, что вы увидите, насколько предки наши оказались выше всех народов государственной мудростью; достаточно сравнить наши законы с их Лыкургом, Драконтом, Солоним. Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно — прямо-таки до смешного! — гражданское право всех народов, кроме нашего. Об этом я не устаю твердить каждый день, противопоставляя мудрых наших соотечественников всем прочим людям, и особенно грекам. По этой причине, Сцевола, я и сказал, что всем, которые желают стать совершенными ораторами, необходимо знание гражданского права.)

⁵² Voesch 1893, 10 ss. В этом трактате, кроме напоминания о Вико и его наиболее известном критике Дель Джудиче, можно встретить редкие отсылки к истории изучения влияния греческого права в XVIII — начале XIX вв.

ный фрагмент об интерпретации термина «*lessum*» автором «*Tripartita*» (*Cic. De leg.* II.23.59) и даже намеком не указывает на какую-либо связь между XII таблицами и законами Солона, а эта связь, если бы она была известна юристу, дала бы важный инструмент для понимания их смысла.

Рушенбуш тоже считал, что Цицерон познакомился с рассказом о посольстве только во время создания «*De legibus*»⁵³. Эту гипотезу справедливо критикует Пома, которая, напротив, показывает, что хронологическое соседство с «*De re publica*» не подтверждает такого вывода⁵⁴.

Гипотеза о том, что заимствование греческих законов, в частности законов, связанных с погребениями, выдумано Цицероном, была поддержана Сивертом, который доходит до утверждения, что сам оратор выстроил такое происхождение, не опираясь ни на какие предшествующие работы, другими словами, он не выбирал между различными традициями, а интуитивно сам выдумал факт заимствования⁵⁵. Ученый опирается на другой фрагмент, известный пассаж из «*De oratore*», где Цицерон заявляет о превосходстве римского права над всеми остальными системами права. На основании этого текста исследователь делает вывод, что посольство тоже было выдумано, и приписывает создание Туберону⁵⁶.

Габриэлла Пома тоже склонна принимать идею позднего формирования традиции о законодательстве. У Цицерона не было оснований для того, чтобы отвергнуть рассказ о посольстве, учитывая его особенное внимание к ранним контактам Рима с Грецией и огромное уважение к Афинам и законодательству Солона. По мнению исследовательницы, «умолчание об этом могло быть результатом его сознательного выбора» или могло стать «следствием того, что в этой части «*De re publica*» автор следовал определенному источнику, в котором можно опознать того же Полибия или одного из первых анналистов». Это приводит к выводу, что рассказ о посольстве имеет позднее происхождение и не может относиться, например, к Фабию или Цинцию⁵⁷.

Итак, Цицерон не отразил в «*De re publica*» традицию второй анналистики, в рамках которой зародился рассказ о посольстве⁵⁸.

---

⁵³ Ruschenbusch 1963, 250 ss.

⁵⁴ Пома 1984, 94 s.

⁵⁵ Siewert 1978, 332 ss. Эта гипотеза поддержана также и в: Toher 1986, 302.

⁵⁶ Siewert 1978, 341 ss.

⁵⁷ Пома 1984, 95.

⁵⁸ Не подлежит сомнению, как отмечает и Пома (Пома 1984, 94 ss.), что Цицерон мог быть знаком с традицией о посольстве.

Позиция ученых, следовательно, основывается на двух фактах:

- 1) Цицерон умалчивает о посольстве в «*De re publica*»;
- 2) упоминание о замешательстве Секста Элия при интерпретации термина «*lessum*» — обстоятельство, которое, однако, не только доказывает чуждость Цицерона этим сведениям, но и может доказать отсутствие связи для Секста Элия между законодательством Солона и XII таблицами.

Эти факты приводят к следующему выводу: Цицерон получил из своих источников различные версии, что приводит его, если продолжать использовать нашу метафору, к косоглазию, когда он сначала опирается на одну традицию, предполагающую отсутствие всякого упоминания о посольстве и связи между Законами XII таблиц и греческим законодательством, а затем, наоборот, заставляет признать контакты между средиземноморскими законодательствами.

Но пойдём по порядку и рассмотрим сначала «цепь умолчаний».

Ранее была установлена абсолютная несущественность рассказа Полибия о достоверности сведений, известных нам из Ливия и Дионисия. Можно также предположить, что Цицерон потому не упомянул о посольстве, что не нашел его следов в рассказе Полибия, что, однако, оказывается неважным, так как все те же пустые места у Полибия ничего не доказывают по поводу аутентичности сведений Ливия и Дионисия. Настолько же мало можно извлечь из молчания в «*De re publica*» о том, что гракхианская анналистка не знала рассказа о посольстве: чтобы это сделать, надо было бы доказать, что у Цицерона не было иной причины не упоминать посольство и что он сознательно выбрал одну из двух традиций, изложив в «*De re publica*» версию первой анналистики.

Но эту версию, как мне кажется, следует отвергнуть по нескольким причинам.

В реконструкции децемвирата, сделанной в «*De re publica*», опущена не одна «деталь» легенды, а многие из них изложены невнятно; можно, например, вспомнить, что не упоминается даже имя Аппия Клавдия, главы децемвиров, а второй децемвират, по мнению автора, состоял только из знатнейших граждан, тогда как Ливий и Дионисий вспоминают о нем как об органе более низшего ранга, а согласно Дионисию в него вообще входили плебеи. Или еще можно вспомнить, что жертвоприношение Виргинии упоминается как исторический факт, тогда как обычно он таковым не считается⁵⁹.

Кстати, о неясных элементах: что можно сказать о причислении Цицероном Гая Юлия ко второй коллегии децемвиров вопреки единогласному мнению, которое считает его членом первой?⁶⁰

---

⁵⁹ Poma 1976–1977, 140 ss.

⁶⁰ Cic. De rep. II.36.62. См. об этом: Poma 1976–1977, 136 s.

В этом контексте можем ли мы утверждать, что пропуск эпизода с посольством является существенным основанием считать его плодом более поздней выдумки, не поддержанной Цицероном?

Кроме того, следует вспомнить, что труд Цицерона не является историографическим сочинением, о чем специально упоминает Паис: автор рассказывает о событиях, не особенно заботясь о проверке сведений, ведет себя как человек, который больше полагается на память, чем на книги⁶¹.

Опять же, бесполезно вспомнить характер сведений о посольстве в литературных источниках. Как я упоминала в начале, рассказ получается довольно скудный даже у Дионисия, который обычно не скупится на слова. Это обстоятельство должно навести на мысль не о достоверности, а о соответствующей важности этого эпизода для наших источников. Цицерон, возможно, просто не придавал значения событию, которое кажется более важным для современных ученых, чем для римских интеллектуалов. Цицерон посвящает описанию эпизода с децемвирами ограниченное пространство⁶²; умолчание об одной детали среди стольких других, не упомянутых в немногих строках рассказа о децемвирах, — может ли это поставить под сомнение достоверность рассказа о посольстве?

Наконец, не только стиль сочинения, но и настроение, с которым рассказывается о децемвирате, наводят на мысль, что упоминание посольства не было ни полезным, ни уместным. События периода децемвиров играют конкретную роль в построении произведения: они служат примером, с помощью которого Цицерон иллюстрирует переход от аристократической формы правления к олигархии⁶³.

Об этом говорится недвусмысленно: ответ Сципиона Туберону, помещенный сразу после краткого рассказа о децемвирате, дает понять, что рассуждение о формах правления исчерпано как раз потому, что были приведены примеры из собственного опыта *Res Publica* «классических» форм правления и их губительных трансформаций⁶⁴.

---

⁶¹ Pais 1915a, 148 ss. Кроме того, не следует забывать наблюдения Мадзарино (Mazzarino 1966, 184), где очевидно показано, что Цицерон и Полибий стремились продемонстрировать, что государственное устройство стало результатом труда многих людей. Вероятно, именно по этой причине Цицерон игнорирует все, что опирается на рассказ об Аппии Клавдии и других действующих лицах. Для него таблицы были плодом всего класса, а не отдельных лиц.

⁶² Это нельзя поставить под сомнение из-за наличия лакуны — ее положение не позволяет предположить, что этот фрагмент был посвящен описанию истории создания магистратуры.

⁶³ Об этом см. в первую очередь: Poma 1976–1977, 131 ss.

⁶⁴ *Cic. De rep.* II.38.64–65: *Cum ea Scipio dixisset silentioque omnium reliqua eius expectaretur oratio, tum Tubero: Quoniam nihil ex te, Africane, hi maiores natu requirunt, ex me aud-*

Итак, если, в чем нет сомнения, интерес автора полностью направлен на то, чтобы проиллюстрировать трансформацию *genus civitatis* между первым и вторым децемвиратом, то непонятно, по какой причине Цицерон должен был упомянуть о совершенно неважном для его рассказа событии. В контексте сочинения Цицерона любой намек на посольство был бы совершенно не к месту, более того, если бы законы Солона и XII таблиц были для Цицерона существенно связаны, то он бы поостерегся упоминать посольство в контексте, где децемвират служит примером дегенеративной формы правления.

Наконец, нет никакой деформации во взгляде Цицерона на связь греческих правовых систем с римским правом, на которую часто ссылаются по поводу диалога «Об ораторе». Мне кажется, что решающее значение здесь имеет наблюдение Риккобоно, который считает, что суждение Цицерона относится к *ius*, а не к *leges*, т.е. то, что сделало все остальные правовые системы такими скромными и грубыми по сравнению с римским правом, — это не качество законов, а технические способности юриспруденции⁶⁵. Поэтому мне кажется, что мысль Цицерона можно интерпретировать, не приписывая ему разброд мнений, который, если и был, касался других драматических аспектов его жизни.

Ни молчание Полибия, ни молчание Цицерона в «*De re publica*» не представляются, следовательно, решающими аргументами против идеи о контактах Рима с Грецией и Великой Грецией через послов.

---

ies, quid in oratione tua desiderem. Sane, inquit Scipio, et libenter quidem. Tum ille: Laudavisse mihi videris nostram rem publicam, cum ex te non de nostra, sed de omni re publica quaesisset Laelius. Nec tamen didici ex oratione tua, istam ipsam rem publicam, quam laudas, qua disciplina, quibus moribus aut legibus constituere vel conservare possimus. Hic Africanus: Puto nobis mox de instituendis et conservandis civitatibus aptiorem, Tubero, fore disserundi locum; de optimo autem statu equidem arbitrabar me satis respondisse ad id, quod quaesierat Laelius. Primum enim numero definieram genera civitatum tria probabilia, pernicioosa autem tribus illis totidem contraria, nullumque ex eis unum esse optimum, sed id praestare singulis, quod e tribus primis esset modice temperatum. (Когда Цицион закончил и все в молчании ждали продолжения его речи, Туберон сказал: «Так как присутствующие, которые старше меня, ни о чем не спросили тебя, Публий Африканский, позволь мне сказать тебе, чего я не нахожу в твоём изложении». «Да, конечно, — ответил Цицион, — я выслушаю весьма охотно». Туберон: «Ты похвалил, кажется мне, наше государство, хотя Лелий спрашивал тебя не о нашем, а о государстве вообще. Но я все же не узнал из твоих слов, какими порядками, какими обычаями или, лучше, какими законами можем мы сохранить то самое государство, которое ты превозносишь». Цицион: «А думаю, Туберон, мы вскоре найдем более подходящий случай для подробного рассмотрения вопроса о том, как создают и сохраняют государства; что касается наилучшего государственного устройства, то я, как я полагаю, ответил на вопрос Лелия Достаточно ясно. Ведь я прежде всего определил виды государств, заслуживающие одобрения, числом три, и столько же пагубных, противоположных трем, упомянутым выше, и указал, что ни один из этих видов не является наилучшим, но только тот, который представляет собой разумное сочетание трех первых, превосходит каждый из видов государства, взятый в отдельности».)

⁶⁵ Riccobono 1904, 5 ss.

Если перечитать наши источники, учитывая их природу и цели их написания, то мы не увидим несоответствия между свидетельствами Полибия и Цицерона и традицией, которую передают Ливий и Дионисий.

Перейдем ко второму ряду проблем, связанных с оценкой источников, — к традиции, которая приписывает Гермодору Эфесскому роль создателя связи между Римом и Грецией. Кроме упоминания этого свидетельства Вико, которое не находит сегодня поддержки, тема излагается следующим образом: есть доказательства присутствия Гермодора Эфесского и его участия в работе децемвиров, об этих доказательствах практически умалчивают из-за превалирования идеи о том, что посольство является выдумкой второй анналистики⁶⁶.

Действительно, первое наблюдение касается именно предполагаемого вывода и тем самым сведения к умолчанию. Если через Плиния, Страбона и в особенности Помпония до наших дней сохранились многочисленные следы присутствия Гермодора, то очевидно, что нет никакой общей тенденции отрицать участие эфесского философа в создании XII таблиц.

Вопрос состоит в данном случае в том, что побудило Ливия и Дионисия проигнорировать его участие.

Можно ли утверждать, что это отсутствие упоминания в греко-римской историографии с необходимостью приводит к выводу о наличии двух параллельных традиций, одна из которых исключает другую?

Здесь следует поставить вопрос о роли, которую следует отвести посольству и Гермодору. Действительно, аргумент *ad excludendum* можно использовать, если исходить из того, что посольство и присутствие эфесского философа как советника децемвиров имели одинаковые функции.

Это возвращает нас к вопросу, который, по моему мнению, является основополагающим для всей дискуссии о соотношении XII таблиц и посольства, а следовательно, и о связи XII таблиц с греческими моделями государственного устройства, в частности моделями Великой Греции: какие соображения могли подвигнуть римлян отправить послов туда, где уже существовали города-государства, процветающие благодаря наличию писаных законов, которые считались фундаментом гражданского статуса?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, еще раз обратимся к информации, которую нам дает римская историография (*Liv.* III.31.8).

Что означает выражение, которым Ливий обозначает содержание миссии: *leges Solonis describere e civitatum instituta mores iuraque noscere*? Традиционно в этом фрагменте Ливия видят неопределенное указание на

---

⁶⁶ Wieacker 1967, 343; Idem 1971, 767 ss.; Siewert 1978, 343 s. См. также: Biffi 2008, 9 ss., согласно которому «выдумкой» о присутствии Гермодора в Риме мы обязаны Артемидору.

посольство, отправленное с целью принести в Рим законы Солона. Но приводят ли слова Ливия однозначно к такому выводу?

Посмотрим:

1) посольство отправили, чтобы *leges Solonis describere*. Ливий использует глагол *describere*, который не означает простое познание и «переписывание». Этот глагол выражает деятельность по интерпретации и пониманию законов, а не просто воспроизведение нормативных сведений. Одновременно и второй элемент перечисления, вводимый глаголом *posse*, обозначает функцию по наблюдению за обычаями и учреждениями;

2) посольство состояло из людей, которые, как считалось, обладали авторитетом и дипломатическими способностями, и одним из них был Спурий Постумий, который, согласно традиции, был близок греческому миру.

Это, как мне кажется, заставляет задуматься. Начиная с Вико, как уже было сказано, посольству приписывалась цель изучить законы Солона и привезти их в Рим. Однако мне представляется, что выражения, которые использует Ливий, и состав посольства наводят на другое понимание: если требовалось привезти пакет норм, то не было необходимости собирать для этого такую авторитетную комиссию, состоящую, по крайней мере частично, из тонких знатоков греческих «дел». И не только это: если цель состояла в переписывании содержания законодательства о государственном устройстве, то отведенное для этого время следует признать чрезмерным, и это не говоря о том, что было бы достаточным отправиться в Афины и на Крит, по модели государственного устройства которых были организованы все города Великой Греции. Неслучайно часть историографии считает именно фактор времени элементом, который дает повод для сомнений в существовании посольства, предполагая, что миссия ограничивалась целью привезти законы Солона в Рим. Если же, что более соответствует тексту Ливия, послы получили задание понять, как функционирует система институтов и государственного устройства, то срок в один год представляется более чем оправданным.

Следовательно, сведения наших источников, как мне кажется, дают основания для интерпретации, отличной от распространенной сегодня: посольство не ограничивалось простым визитом для «переписывания» пакета законов. Задача посольства была более сложной. Римляне ставили задачу — и это полностью объясняет тот факт, что путешествие продолжалось так долго, — не просто привезти в Рим копию законов Солона, а понять функционирование системы, лежащей в основе политического и государственного устройства, отличного от римского. В таком случае характер посольства полностью проясняется⁶⁷.

⁶⁷ Я не думаю, что является препятствием мнение Умбера (Humbert 2005, 9), который утверждает, что «это было не создание законов (как в случае Великой Греции, согласно традиции), а скорее создание права в форме законов». Именно желание «кодифицировать»

Еще одним доказательством этого служит тот факт, что наши источники связывают возвращение послов с учреждением магистратуры децемвиров, которые создавали «законы», а не непосредственно с законодательной деятельностью.

Liv. III.32.6: Iam redierant legati cum Atticis legibus. Eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret. Placet creari decemuiros sine prouocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset.

Текст Ливия говорит сам за себя.

Послы вернулись в Рим, изучив, как законы действуют в греческой системе или, что вероятнее, в системе Великой Греции. Результат посольства, плод долгих странствий стал вводным шагом к учреждению децемвирата, созданию магистратуры, имеющей обычные функции в сфере исполнительной власти и экстраординарные – в законодательной и призванной создать первый свод писаных законов. Характер той эпохи в истории и политике придает смысл этим действиям, и, следовательно, не является несущественным, было посольство отправлено до или после учреждения новой магистратуры, потому что связывает посольство с *mutatio formae civitatis*, самым значимым, согласно Ливию, после перехода от монархии к *libera Res Publica* и уступающим ему только из-за кратковременности децемвирального правления. Это создает новую перспективу в рассматриваемом «вопросе», можно сказать – новый смысл: целью посольства было не столько изучение греческих законов, их нормативного содержания или законодательной формы, сколько оценка последствий того шага, который плебеи требовали от патрициев в отношении учреждения магистратуры, т.е. – и это опять же ясно из текста Ливия – какой импульс придаст высшей власти создание свода законов⁶⁸.

Наличие законов привело бы к ограничению политической власти, чего и добивались плебеи, как об этом сообщает Ливий⁶⁹. Римский историк, рассказывая о предложении Терентилия Арсы, с которого началась вся цепь событий, через 10 лет закончившаяся учреждением децемвирата, прямо говорит, что законы рождаются, чтобы ограничить власть консулов. Иными словами, в источниках присутствует полное осознание поли-

---

право и могло побудить отправиться в те города, которые записали свое право в форме законов. В этом контексте не имеет значения то обстоятельство, что даже в Афинах нормы, введенные Солоном, больше не действовали (о присутствии анахронизма см.: Vreton 1992, 79). Ссылка на законы «Солона» имеет в виду законы «сбалансированные».

⁶⁸ Humbert 2005, 6, nt. 8. Автор утверждает, что «Тит Ливий и Помпоний не говорят, что римляне скопировали греческие законы», и заключает, что «римляне использовали много не выраженных ими идей».

⁶⁹ Ibidem, 11 ss.

тических последствий введения свода писаных законов. Они привели бы к изменению консульской власти, в первую очередь свободы магистрата в осуществлении его судебной функции, и не только пределов *interpretatio iuris* коллегией понтификов, что не упоминается в источниках, по крайней мере в интерпретации событий, предложенной Ливием, как главный итог принятия законов. Естественно, это не означает, что наличие так называемого децемвирального свода не установило бы новых пределов деятельности жрецов по толкованию законов, но, с моей точки зрения, понятно, что посольство было частью более сложной попытки политических и институциональных изменений, так что — и это говорит Ливий, а не я — после его возвращения было решено предпринять *mutatio formae civitatis*⁷⁰. Как реализовать это изменение и какие последствия оно будет иметь для сложного баланса сил в городе — на эти вопросы и должно было ответить посольство⁷¹, потому что римлянам уже было известно то, что Рикардо Орестано отметил примерно 2500 лет спустя: право нельзя произвести в лаборатории, а так как у них было меньше возможностей диахронического исследования, чем в наши дни, они попытались провести по крайней мере сравнительный анализ и с этой целью снарядили послов туда, где цивилизация получила во многом иное развитие. Результат действительно представляет собой комплексное решение, которое касается не

---

⁷⁰ Конечно, не стоит забывать, что понтифики с их *interpretatio* представляли собой «политический» оплот римской аристократии. Об импульсах против понтификов, содержащихся в Законах XII таблиц, см. одно из недавних исследований Капогресси Колоньези: Capogrossi Colognesi 2008, 379 ss., а также его мнение о точке зрения Умбера (Humbert 2005, 3 ss.). Об антипонтификальном характере XII таблиц см.: D'Ippolito 1986, 58 ss.; Idem 1988, 405 ss.; Schiavone 2005, 82 ss.; из недавних работ, в том числе ради ссылок на литературу, см.: Cardilli 2003, 201 ss.

⁷¹ Об этом см. опять же: Capogrossi Colognesi 2008, 377. Автор считает возможным греческое влияние, исходя именно из того политического значения, которое приобрело законодательство децемвиров. Еще больший интерес представляет его замечание об обстоятельстве, касающемся римского правопорядка, существовавшего до этого, что «не все их право было в них отражено». Из всех этих аргументов, вместе взятых, мы можем вывести тот совершенно особый результат, который римляне получили с помощью XII таблиц. Эта тема, конечно же, заслуживает специального и гораздо более глубокого исследования, которое выходит за рамки рассматриваемого аргумента, ведь с его помощью можно только попробовать предложить толкование, благодаря которому «кусочки» литературной традиции сложатся в более связную картину, чем предполагалось до сих пор. Однако мне кажется, что именно эти рассуждения помогают понять, как противоположные устремления патрициата и плебса были очень оригинальным образом примирены с помощью опыта децемвиров. Здесь мы можем ограничиться замечанием, что хотя и нельзя отрицать давление плебеев при создании законодательной комиссии, но реализация законодательного проекта, пусть и «не целиком», как утверждает автор, позволила римской аристократии получить созвучную ей систему, что дало возможность защитить ту особую модель соотношения политики и права, которую уже заметил Вико. См. об этом основополагающие замечания Умбера: Humbert 2005, 7 ss., в особенности заключение 48 ss.

столько содержания законов, сколько соотношения между *forma civitatis* и *iura*, в котором, как мне кажется, элементом, более близким греческому миру, был характер магистратуры, а не нормативная система. Сходство между архонтами и децемвирами настолько очевидно, что невозможно отрицать факт заимствования. Цель состояла в том, чтобы воссоздать систему управления, которая произвела на свет эти законы, но которая одновременно ими же и регулируется⁷².

Если принять эту реконструкцию, то объясняются не только все сведения в рассказе историка (почему потребовалось столько времени, зачем ездили в разные города), но понятной становится и «двойная традиция».

Разница в конечных целях посольства и «консультаций» Гермодора дает объяснение тому, что они упоминаются в разных местах. Ливий и Дионисий описывают события в политике и государственном устройстве, оставившие след в истории Рима; интерес для них представляет рассказ о посольстве, потому что он служит введением к созданию новой магистратуры. Другими словами, пусть и по разным причинам, ни Дионисию, ни Ливию неинтересно рассказывать о том, как проходила работа комиссии, потому что для первого важна была идея, что римляне приспособились к системе писаных законов, и то, как происходило это «приспособление», а для второго наибольшее значение имела *mutatio formae civitatis*. Таким образом, никто из них не имел причин упоминать участие Гермодора Эфесского.

Помпоний, наоборот, ставит задачу представить историю права, Законы XII таблиц находятся в центре его внимания, и в этом контексте он уместно ссылается на философа, который участвовал в «работах» по созданию Законов, при этом, совершенно очевидно, не упоминает посольства, потому что оно не играло никакой роли в работе над сводом.

Таким образом, не только в источниках нет несоответствий, но, напротив, нет никаких серьезных оснований поддерживать идею о позднем появлении рассказа о посольстве, которая основывается только на предположении, что существовала своего рода тенденция относить контакты с Грецией к более раннему времени, чтобы облагородить грубое происхождение римской *civitas*.

Таким образом, рассказ о посольстве можно признать фиктивным, только если следовать идее о том, что территория Рима была настолько чужда греческому влиянию, что нельзя и предположить такого укре-

---

⁷² Сходство можно заметить и в отношении не очень ясной фигуры *aisymnetes*. См. об этом: Balogh 1948, 14 (со ссылками на литературу). См. также: Wieacker 1967, 332; Idem 1971, 757. См. об этом также исследование: Capogrossi Colognesi 2008, 377 ss.

пления контактов, чтобы они могли оказывать влияние на гражданскую жизнь *populus romanus*⁷³.

С этой точки зрения необходимо поставить предварительный вопрос о наличии контактов между Римом и Великой Грецией.

Естественно, или хотя бы должно быть естественно, обратить наше внимание на различные исторические, археологические, лингвистические элементы, которые оживляют дискуссию, открытую вот уже почти 100 лет, о проникновении в архаическую или даже дообщинную эпоху греческих элементов. Эта дискуссия уже давно не касается элементов греческой культуры. Существует множество культурных элементов, возможно, заимствованных у западных греков: из культов в первую очередь можно назвать хотя бы связанные с Геркулесом (Кротон), Афиной и Аполлоном (юго-восток Италии), с исходным вариантом мифа об Энее, культ Диоскуров, Деметры и Керы — все они датируются серединой V в.⁷⁴

В последние десятилетия археологические данные тоже предоставили основания опровергнуть идею изоляции Лация от греческого мира и Великой Греции. Факт того, что Рим испытал культурное влияние Греции уже ранее середины V в., почти не оспаривается⁷⁵.

Присутствие культурных элементов предполагает существование связей между Римом и южными и островными частями Италии, но хотя в них и не могут быть сосредоточены все возможные элементы влияния западных греков на Рим, все же очевидно, что некоторые соображения могут здесь оказаться полезными, по крайней мере как части общей картины.

Хотя идея институционального и еще больше культурного примитивизма, изолирующая Рим от итальянского контекста, постепенно исчезает, все же нельзя впадать в крайность и в обратном направлении, предполагая, что в V в. уже существовали развитые отношения, которые, как пока-

---

⁷³ В этом смысле, скорее чтобы напомнить об уже преодоленной точке зрения, можно сослаться на работу: *Agangio Ruiz 1957, 56*. Автор считает возможным выдвинуть гипотезу о том, что римляне имели контакты только с соседними народами. Сегодня никто уже не поддерживает мнение о невозможности наличия контактов с городами Великой Греции, хотя поездка в Афины и вызывает некоторое замешательство. См. в первую очередь: *Gabba 2000, 25 ss.*; *Bretone 1992, 79*.

⁷⁴ Об общем культе Диоскуров см.: *Ferenczy 1948, 2006 s.*

⁷⁵ Эту точку зрения поддерживают и те, кто отрицает историчность посольства. Ср. в первую очередь: *Wieacker 1967, 334 ss.* Более аргументирована позиция: *Gabba 2000, 47, nt. 109*. См. также: *Balogh 1948, 13 ss.* (со ссылками на литературу); *Gioffredi 1947–1948, 36 ss.*; *Pugliese Carratelli 1974, 5 ss.* Я думаю, что эту гипотезу поддерживает и то обстоятельство, что рассказ анналистов, выработанный на основе греческого материала, не очень содержателен в отношении V в., как это убедительно показал Габба (*Gabba 2000, 14 ss.*). Недостаток внимания к событиям дореспубликанской эпохи свидетельствует в пользу того, что об этом периоде нет фальсификаций или преувеличений.

зал Габба⁷⁶, появляются только после войны с Тарентом в IV в. Однако, я думаю, именно существование культурной границы между Римом и полисами Великой Греции подтверждает идею о том, что были отправлены «мудрецы» для изучения политико-конституционной ситуации. Посольство такого рода не имело бы никакого смысла, если бы отношения с полисами южной части полуострова достигли бы такого расцвета, как в последующие века; не было бы вообще никаких причин отправлять посольство, так как уровень знакомства с греческими обычаями и организацией сделал бы его бесполезным.

Таким образом, если культурный и социальный контекст, в который помещают отношения Рима с миром Великой Греции, допускает возможность отправки послов, то благоразумие требует поставить еще один, следующий вопрос: что могло побудить римлян предпринять такое долгое путешествие? Было ли оно своевременным? Почему именно туда, зачем послов отправили именно в Великую Грецию?

Если отказаться от мысли — а я думаю, это следует сделать, — что целью была «имитация» содержания греческих законов, то нам придется признать, как это явно подтверждается нашими источниками, что у посольства была другая цель: определить новую *forma civitatis*, способную оздоровить открытый конфликт патрициев и плебеев⁷⁷.

Если это так, то более чем понятен визит в наиболее важные города Великой Греции, и не только по абстрактным соображениям авторитета и уровня развития общин этой «модели», но и из-за того обстоятельства, что примерно в это время в городах Великой Греции существовали социальные противоречия, очень похожие на проблемы, с которыми столкнулся город Рим.

Во второй четверти V в. в различных государствах происходит поворот к демократии: Тарент в 473 г., в городах Сицилии после свержения тиранов, в Регии после изгнания потомков Анаксилая между 461 и 460 гг., но особенно в Кротоне около 453 г., где антипифагорейское движение, благодаря новому гоппитскому порядку, потребовало распределения земли и отмены долгов, а также согласилось на восстановление Сибариса в 453 г. (*Polib.* II.39.1–4; *Ямвлих.* Жизнь Пифагора 262)⁷⁸.

---

⁷⁶ Gabba 2000, 64.

⁷⁷ То, что цели посольства могли быть и не связаны напрямую с нормативным содержанием, уже упоминалось. См.: Lange 1876, 616 ss. Об отношениях римского народа с Великой Грецией см.: Momigliano 1969, 433 ss. До сих пор полезны обзоры по этой теме в кн.: Balogh 1948, 13 ss.; Crifò 1972.

⁷⁸ Уже Де Франчиши (De Francisci 1948, 29) считал возможным, что Рим был заражен «лихорадкой кодификаций», которой были охвачены города Великой Греции. См. также: Gioffredi 1947–1948, 36 ss.

Кризис в Кротоне, возродивший в новых формах модели социального равновесия, свойственные мифическим законодательствам Великой Греции, таким как законы Залевка и Харонда, мог, конечно, представлять интерес для тех, кто переживал те же проблемы и видел их решение в создании писаной конституции, призванной сбалансировать социальные проблемы, вызванные классовым конфликтом⁷⁹.

Римляне готовились составить *согрус* законов, который, как и законы Харонда, Залевка и Солона, требовался для восстановления социального равновесия, а потому были заинтересованы в том, чтобы «изучить на месте», и именно мотивы создания кодификации позволяют нам понять еще и то, почему источники говорят о законах Солона, так как весьма вероятно, что оттуда послы отправились в Афины: они хотят сообщить о тех нормах, которые возникли именно с целью восстановить социальное и политическое равновесие классов, а для этого и были составлены законы Солона⁸⁰.

Чтобы понять, в чем заключалось реальное влияние, не нужно изучать, как я уже говорила, нормативную составляющую Законов XII таблиц и искать элементы, сближающие их с законами Солона или любым другим греческим законодательством⁸¹. Сходства и различия разной степени

---

⁷⁹ Ссылки на литературу по этому вопросу см. в: Ferenczy 2001, 2004, nt. 18. Образцовыми исследованиями о мире Великой Греции можно считать следующие: Pugliese Carratelli 1969, 49 ss.; De Sensi Sestito 1984; Giangiulio 1987, 17 ss., где хорошо описан кризис южных городов в V в. до н.э. и связанные с ним процессы трансформации. Интересно описание антиаристократических движений в Сибарите, начавшихся с гоэлитской части войска, течений внутри аристократии и зарождения тирании. Также не следует забывать о пифагорейском влиянии на законодательство Регия. На мой взгляд, существенным был внутренний и внешний кризис в Кротоне в середине V в. до н.э. См. об этом ясное рассуждение Виакера: Wieacker 1967, 333 ss.; Idem 1971, 761 ss. Эта тема выходит за рамки рассуждений о роли пифагореизма в формировании рассказа анналистов. См., например: Gabba 2000, 39 ss. О пифагорейском влиянии см. впечатляющие наблюдения Фёген: Fögen 2005, 82 ss.

⁸⁰ Я не хочу тем самым априори исключить возможность посольства в Афины, а хочу только напомнить о вероятности того, что законы Солона послужили «матрицей» для правопорядков, которым требовалось пересмотреть социальное равновесие, что, как мне кажется, позволит оспорить замечание Бретоне (Bretone 1992, 79) о том, что отправка послов в Афины Перикла является сильным анахронизмом. Ссылку на законы Солона следует рассматривать как обращение к законам «устойчивым». Кроме того, я полностью разделяю идею о том, что — отвлекаясь от изменений в государственном устройстве — комплексы норм приписываются первоначальному законодателю (ср. обзор различных точек зрения в: Martini 1999, 21 ss., nt. 7). Другого мнения придерживается Фёген (Fögen 2005, 68 ss.), которая считает, что история с законодательством Солона послужила основой для выдумки Ливия (рассуждения об этом произведении см. в: Capogrossi Colognesi 2008, 384).

⁸¹ В этом контексте рассуждения Сиверта (Siewert 1978, 332 ss.) становятся несущественными для оценки историчности посольства: даже если согласиться с гипотезой автора, то выяснится только отсутствие связи между нормой децемвиров и Солона, или скорее, что возможность такого сопоставления заметил Цицерон, а это ничего не меняет в вопросе о достоверности сведений, рассказанных Ливием и Дионисием, так как посольство могло иметь другие цели, а не заимствование норм, чтобы «копировать» их в XII таблицах.

можно упорядочить, сравнивая их с законодательствами средиземноморского бассейна. Путь исследования должен быть другим.

Функция посольства была гораздо более деликатной. Речь идет о выборе системы, для чего политически «необходимо» выяснить, как был решен политический конфликт классов⁸². Если исходить из этого предположения, посещение самых важных городов Великой Греции становится совершенно понятным.

Сложность такой задачи дает, вероятно, самое приемлемое объяснение целям посольства. Понятен в этом случае и состав посольства, и годичный срок, необходимый для рассмотрения различных вариантов, и, наконец, приобретает смысл утверждение Ливия, что в тот год произошло *mutatio formae civitatis*, сопоставимое с переходом от монархии к республике.

Создававшаяся ситуация должна была вынудить патрицианскую аристократию искать пути выхода в учреждении необычной магистратуры, способной выражать интересы всего римского народа, которая бы вышла победителем из столкновения с трибуналом и взяла в свои руки управление Республикой⁸³.

Если мы обратим внимание на факты, описанные как Ливием, так и Дионисием, не задумываясь об их оценке, то становится очевидным одно: патриции испытывали все возрастающие сложности с доминированием в народном собрании; с течением времени два фактора, которые позволяли им усмирять весь *populus* (с одной стороны, клиента, с другой – авторитет «героического» управления городом), оказались несоответствующими этой цели. Можно вспомнить, что за 10 лет до децемвирата легко и бескровно были подавлены волнения плебса путем осуждения Цезона, сына Цинцинната, а затем обвинения и осуждения консулов (эпизод с Ромилием). Рассказ наших авторов дает возможность увидеть медленное, но верное утверждение власти трибуната.

Этот вывод имеет некоторые последствия для оценки соотношения между римскими законами и греческими.

Мне кажется, что с этой точки зрения можно поддержать аргументы, которые приводят Таламанка и Амбер в пользу идеи о том, что законода-

---

⁸² О роли плебса см. обзор точек зрения: Humbert 2005, 7 ss., особенно 7, nt. 9.

⁸³ Некоторые авторы говорят об аристократическом кодексе саморегуляции и отрицают всякую роль плебса: Eder 1986, 262 ss.; Unger-Sternberg 1986; Idem 1990, 92–102. Эту гипотезу в основном принимает Габба: Gabba 2000, 15. В этом ключе см. также: Flach 1994, 42; Fögen 2005, 58. Фёген считает тезис о «стремлении к правовому равенству» совершенно безосновательным. О роли плебса в истории децемвиров см. мнение, высказанное Умбером (Humbert 2005, 7, nt. 9), который хотя и не соглашается с традиционной идеей о классовых требованиях плебса, все же считает неоправданным лишать его роли «оппозиционной силы». См. также: Cornell 2012, 272, где автор высказывает сомнения по поводу роли плебса в истории децемвиров.

тельная система, реализованная в XII таблицах, оказывается очень далека от греческих правопорядков⁸⁴: XII таблиц ставят цель ограничить *imperium* путем регламентации юрисдикционной деятельности консулов, гарантируя в первую очередь публичность процессуальных правил. Вспомним, что *rogatio terentilia* имела в своей основе как критический элемент, — решение консулов при осуществлении ими судебной деятельности⁸⁵.

В таком контексте очевидно, что все проблемы, связанные с рецепцией греческого права в римских законах, становятся вторичными, можно даже считать возможным, что некоторые правила были контаминированы, как это часто можно встретить в греческих законодательствах. Но это не отменяет того, что Законы XII таблиц по содержанию, а особенно по структуре, как это подчеркивал Цицерон, совершенно оригинальны, сохраняют обширную роль *interpretatio* и избегают (но это только впечатление) того самого вырождения, которое претерпели аристократические режимы в городах Великой Греции.

Новое социальное соглашение, новый договор *civitas* основывается в своих существенных чертах на определенности и контролируемости процессуальных правил. Именно в этом патриции и плебеи хотят и пытаются добиться согласия, именно это должны реализовать законодатели.

Таковы факты, которые привели к созданию децемвирата, и, как говорит Ливий, больше нет ничего, достойного упоминания.

Однажды, когда я была еще очень молода, я спросила у одного археолога после захватывающей поездки на раскопки в Сколациум, что определяет датировку слоев. Он мне ответил: банка кока-колы. Я, конечно, посмотрела на него в растерянности, а он, смеясь, пояснил, что слои могут совпадать на 99%, но если есть посторонний элемент, например эта банка кока-колы, то все переворачивается, и следует считать все остальное подделкой. Много лет я хотела видеть в посольстве ту самую банку кока-колы, но, мне кажется, это не она.

Литература

1. *Agrimi M.* 1968: *Filosofia e politica a Napoli nel primo settecento* // *Trimeste*. II. 3–42.
2. *Agrimi M.* 1999: *Gianbattista Vico nel suo tempo e nel nostro tempo* / A cura di M. Agrimi. Napoli.

---

⁸⁴ Talamanca 1999, 140 ss.

⁸⁵ По этому вопросу см.: Humbert 2005, 6, nt. 8, 11 ss. Об этом см.: Capogrossi Colognesi 2008, 382 ss.

3. *Altheim F.* 1934: Epochen der römischen Geschichte von den Anfängen bis zum Beginn der Weltherrschaft. Frankfurt am Main.
4. *Arangio Ruiz V.* 1957: Storia del diritto romano. Napoli.
5. *Badaloni N.* 2005: Introduzione a Vico. Bari.
6. *Balogh E.* 1948: Cicero and the Greek Law // Scritti in onore di C. Ferrini pubblicati in onore della sua beatificazione III. Milano.
7. *Baviera G.* 1914: Lezioni del Diritto romano. Le fonti, I. Napoli.
8. *Biffi N.* 2008: Ermodoro di Efeso e le leggi romane. (Strab. 14, 1, 25, C 642) // Classica et Christiana. 3.
9. *Binder J.* 1909: Die plebs. Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig.
10. *Boesch Fr.* 1893: De XII tabularum lege a grecis petita. Quaestiones philologicae. Gottingen.
11. *Bretone M.* 1992: Storia del diritto romano. Bari.
12. *Capogrossi Colognesi L.* 2008: Sino alle XII tavole ed oltre // Studi R. Martini I. Milano.
13. *Cardilli R.* 2003: XII tabularum praeposita iungitur Interpretatio // Estudios de derecho civil. Obligaciones y contratos. Libro Homenaje a F. Hinestroza 40 años de rectoría 1963–2003, I. Bogotá.
14. *Ciulei G.* 1969: Gab es einen Einfluß des griechischen Rechts in den Zwölftafeln? // Gesellschaft und Recht im griechisch-römischen Altertum / Hg. von M.N. Andreev, J. Irmscher, E. Polay, W. Warkallo, II. Berlin.
15. *Cornell T.* 2012: The Beginnings of Rome: Italy from the Bronze Age to the Punic Wars, Ca 1,000–264 BC. History of the Ancient World. New York.
16. *Cornwall Lewis J.* 1855: An Inquiry into the Credibility of Early Roman History, II. London.
17. *Costa E.* 1909: Storia delle fonti. Torino.
18. *Crifò G.* 1972: La legge delle XII tavole. Osservazioni e problemi // ANRW I 2.
19. *Croce B.* 1922: La filosofia di Giambattista Vico. Bari.
20. *Croce B., Nicolini F.* 1947–1948: Bibliografia vichiana. Bari.
21. *Cuq E.* 1904: Les Institutions juridiques des Romains. Paris.
22. *D'Ippolito F.* 1986: Giuristi e sapienti in Roma arcaica. Bari.
23. *D'Ippolito F.* 1988a: Le XII tavole. Il testo e la politica // Storia di Roma I / A cura di A. Momigliano e A. Schiavone. Torino.
24. *D'Ippolito F.* 1988b: Sulla giurisprudenza medio repubblicana. Napoli.
25. *De Francisci P.* 1948: Arcana Imperii. Milano.
26. *De Sanctis G.* 1907: Storia dei romani. La conquista del primato in Italia. Torino.
27. *De Sensi Sestito G.* 1984: La Calabria in età arcaica e classica. Storia, economia, società. Roma.
28. *Delz J.* 1966: Der griechische Einfluß auf die Zwölftafelgesetzgebung // Museum Helv. 23. 69–83.

29. *Diliberto O.* 1997: Conoscenze e diffusione delle XII tavole nell'età del basso impero. Primo contributo // Nozione Formazione e interpretazione del diritto. Dall'età romana alle esperienze moderne. Ricerche dedicate a F. Gallo I.
30. *Diliberto O.* 2005: La palingenesi decemvirale: dal manoscritto alla stampa // Le Dodici tavole. Dai decemviri agli umanisti. Pavia.
31. *Diliberto O.* 2014: La legge delle XII Tavole nel Basso Impero // KOINΩNIA. 38.
32. *Ducos M.* 1978: L'Influence grecque sur la loi des douze tables. Paris.
33. *Eder W.* 1986: The Political Significance of the Codification of law in Archaic Societies: an Unconventional Hypotesis // Social Struggles in Archaic Rome / Ed. by K.A. Raaflaub. Berkley.
34. *Ferenczy E.* 2001: La legge delle XII tavole e le codificazioni greche // Sodalitas. Scritti in onore di Antonio Guarino. Napoli.
35. *Flach D.* 1994: Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt.
36. *Fögen M.T.* 2005: Storie di diritto romano. Origine ed evoluzione di un sistema sociale / A cura di A. Mazzacane. Bologna.
37. *Frezza P.* 1954: Corso di storia del diritto romano. Roma.
38. *Gabba E.* 2000: Roma Arcaica. Storia e storiografia. Roma.
39. *Giangiulio M.* 1987: Aspetti di storia della Magna Grecia arcaica e classica fino alla guerra del Peloponneso. Milano.
40. *Giarrizzo G.* 1980: Vico, la politica e la storia. Napoli.
41. *Giarrizzo G.* 1981: Giannone, Vico e i loro interpreti moderni // Bollettino del Centro di Studi Vichiani. XI.
42. *Gioffredi C.* 1947–1948: Ius, lex, praetor. Forme storiche e valori dommatici // SDHI. 13–14.
43. *Girard P.F.* 1902: L'Histoire des XII Tables // RH. 26.
44. *Girard P.F.* 1918: Manuel élémentaire de droit romain. Paris.
45. *Hofmann F.* 1870: Beiträge zur Geschichte des griechischen und römischen Rechts. Wien.
46. *Humbert M.* 1998: Le XII Tables, une codification? // Droits. Reveu français de théorie juridique. 27.
47. *Humbert M.* 2005: La codificazione decemvirale: tentativo di interpretazione // Le dodici tavole dai decemviri agli umanisti. Pavia.
48. *Karlowa O.* 1885: Römische Rechtsgeschichte. Leipzig.
49. *Lambert E.* 1902: Le Problème de l'origine des XII Tables. Quelques contributions empruntées a l'histoire comparative et a la pshycologie des peuples. Paris.
50. *Lambert E.* 1903a: L'Histoire traditionnelle des XII tables. Et les critères d'inauthenticité des traditions en usage dans l'école de Mommsen. Lyon.

51. *Lambert E.* 1903b: Introduction. La fonction du droit civil comparé. Les conceptions étroites ou unilatères. Paris.
52. *Lange L.* 1876: Römische Alterthümer. Berlin.
53. *Lattes E.* 1884: L'ambasciata dei Romani per le XII tavole. Milano.
54. *Lenel O.* 1902: Recensione a Lambert // ZSS. 23.
55. *Lenel O.* 1905: Recensione a Lambert // ZSS. 26.
56. *Lomonaco F.* 2005: Tracce di Vico nella polemica sulle origini delle pandette e delle XII tavole nel settecento italiano // Opuscoli 4. Fondazioni Pietro Piovani per gli studi Vichiani. Napoli.
57. *Martini R.* 1999: XII tavole e diritto greco // Labeo. XLV.
58. *Mazzarino S.* 1966: Il pensiero storico classico. Bari.
59. *Mazzarino S.* 1971: Vico, l'annalistica e il diritto. Napoli.
60. *Mitteis L.* 1908: Römisches Privatrecht. Bis auf die Zeit Diokletians. Leipzig.
61. *Momigliano A.* 1969: Osservazioni sulla distinzione tra patrizi e plebei // Quarto contributo alla Storia degli Studi Classici e del mondo antico. Roma.
62. *Mommsen T.* 1886: Römisches Staatsrecht. Leipzig.
63. *Nicolini F.* 1932: La giovinezza di Vico. Bari.
64. *Nicolini F.* 1949: La religiosità di Vico. Bari.
65. *Nicolini F.* 1949–1950: Commento storico alla seconda «Scienza Nuova». Roma.
66. *Nicolini F.* 1955: Saggi vichiani. Napoli.
67. *Niese B.* 1910: Manuale di storia romana dalle origine alla caduta dell'impero d'occidente accompagnato da cenni di storia delle fonti. Milano.
68. *Norden E.* 1939: Aus altrömischen Priesterbüchern. Stuttgart, Leipzig.
69. *Ogilvie R.M.* 1965: A Commentary on Livy, Books 1–5. Oxford.
70. *Orestano R.* 1968: Il problema delle persone giuridiche in diritto romano. Torino.
71. *Pais E.* 1894: Storia d'Italia nei tempi più antichi alla fine delle guerre puniche. Torino.
72. *Pais E.* 1898: Storia di Roma. Torino.
73. *Pais E.* 1915a: Ricerche sulla storia e sul diritto pubblico di Roma. Roma.
74. *Pais E.* 1915b: Storia critica di Roma durante i primi cinque secoli. Roma.
75. *Pais E.* 1927: Storia di Roma dalle origini all' inizio delle Guerre Puniche. Roma.
76. *Poma G.* 1976–1977: La valutazione del decemvirato nel de republica di Cicerone // Rivista storica dell'antichità. 6–7.
77. *Poma G.* 1984: Tra legislatori e tiranni. Problemi storici e storiografici sulle XII Tavole. Bologna.
78. *Pontieri E.* 1971: Giambattista Vico nel terzo centenario della nascita / A cura di E. Pontieri. Napoli.

79. *Pugliese Carratelli G.* 1969: Lazio, Roma e Magna Graecia prima del secolo quarto a.C. // *La Magna Graecia e Roma nell'età arcaica. Atti dell'ottavo convegno di studi sulla Magna Graecia (Taranto 6–11 ottobre 1968)*. Taranto.
80. *Pugliese Carratelli G.* 1974: Achei nell'Etruria e nel Lazio? // *La Parola del Passato*. 17.
81. *Ratto F.* 2000: Il mondo di Vico / Vico nel mondo. In ricordo di G. Tagliacozzo. Atti del Convegno (Roma, 15 aprile 1999; Sansepolcro, 16–18 aprile 1999) / A cura di F. Ratto. Perugia.
82. *Riccobono S.* 1904: La lex XII tabularum // *Rivista di legislazione comparata*, I.
83. *Ruschenbusch E.* 1963: Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // *Historia* 12.
84. *Schiavone A.* 2005: Ius. L'invenzione del diritto in occidente. Torino.
85. *Schmitt H.H.* 1957–1958: Hellenen, Römer und Barbaren. Eine Studie zu Polybios // *Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1957/58 des Humanistischen Gymnasiums. Aschaffenburg*.
86. *Schulz F.* 1934: Prinzipien des römischen Rechts. Berlin.
87. *Siewert P.* 1978: Die angebliche Übernahme solonischer Gesetze in die Zwölftafeln. Ursprung und Ausgestaltung einer Legende // *Chiron*. 8.
88. *Talamanca M.* 1999: Diritto e prassi nel mondo antico // *Règle et pratique du droit dans les réalités juridiques de l'Antiquité [SIHDA, Atti della 51a Sessione (Crotone-Messina, 16–20 settembre 1997)]* / A cura di I. Piro, Soveria Mannelli.
89. *Täubler E.* 1921: Untersuchungen zur Geschichte des Decemvirats und Zwölftafeln // *Historische Studien*. Berlin, Lübeck.
90. *Toher M.* 1986: Tenth Table and the Conflict of the Orders // *Social Struggles in Archaic Rome* / Ed. by K.A. Raafaub. Berkley.
91. *Tondo S.* 1981: Profilo di storia costituzionale romano. Milano.
92. *Unger-Sternberg J.v.* 1986: The Formation of the «annalistic Tradition»: The Example of the Decemvirate // *Social Struggles in Archaic Rome* / Ed. by K.A. Raafaub. Berkley.
93. *Unger-Sternberg J.v.* 1990: Die Wahrnehmung des «Ständekampfes» in der römischen Geschichtsschreibung // *Staat und Staatlichkeit*. Stuttgart.
94. *Vico G.* 1968: Vita di Gianbattista Vico. Scritta da se medesimo // *La Scienza Nuova ed opere scelte* / A cura di N. Abbagnano. Torino.
95. *Vico G.* 2013: La scienza Nuova 1774 / Edizione critica a cura di P. Cristofini e M. Sanna. Roma.
96. *Voigt E.* 1883: Die XII Tafeln, Geschichte und System des Civil- und Criminal-rechtes, wie -Processes der XII Tafeln, nebst deren Fragmenten. Leipzig.
97. *Volterra E.* 1937: Diritto romano e diritti orientali. Bologna.

98. *Westrup C.W.* 1954: Introduction to Early Roman Law. Comparative Sociological Studies. The Patriarchal Joint Family. London, Oxford, Copenhagen.
99. *Wieacker F.* 1967: Die XII Tafeln in ihrem Jahrhundert // Les origine de la République romaine, Entretiens sur l'antiquité classique XIII. Genève.
100. *Wieacker F.* 1971: Solon und die XII Tafeln // Studi in onore di E. Volterra, III. Milano.
101. *Wieacker F.* 1956: Zwölftafelprobleme // RIDA. III.
102. *Wilamowitz-Moellendorff U.v.* 1921: Griechische Verskunt. Berlin.
103. *Wilamowitz-Moellendorff U.v.* 1932: Der Glaube der Hellen. Berlin.

Ключевые слова: Законы XII таблицы, греческое влияние, достоверность античной традиции, *forma civitatis*.

Key Words: the Law of XII Tables, greek influence, credibility of antique tradition, *forma civitatis*.

D. MONTEVERDI

**LE XII TAVOLE E LE LEGGI DEI
GRECI «VENUTE AD ORDINARE LA
REPUBBLICA LIBERA E POPOLARE»**

(RIASSUNTO)

Niente di più che una «favola», così Gianbattista Vico giudica l'ambasceria verso le terre greche narrata in Dion. X.51.5 e Liv. III.31.8, racconto che a distanza di quasi tre secoli continua a dividere gli studiosi moderni, legato com'è all'influenza dei diritti greci sulla legislazione decemvirale.

Le ragioni che negano credibilità alle nostre fonti possono per indice così individuarsi: 1) è dubbio che nel V sec. essa sia giustificabile ed opportuna 2) le fonti sono in contrasto: Polibio e Cicerone sembrano ignorarla, Plinio e Pomponio riporterebbe-

ro una tradizione parallela che attribuirebbe ad Ermodoro Efesio il ruolo di mediatore culturale.

Ma la catena di silenzi – da molti ritenuta decisiva – a partire da Polib. VI.8.5 a finire a Cic. *de rep.* II.36.61–62 – non sembrerebbe provare contro la storicità dell'ambasceria e non soltanto perché l'uso di argomenti e *silentio* dovrebbe essere perlomeno cauto, soprattutto quando lo stato delle fonti è in parte lacunoso, ma per i caratteri e lo spirito delle narrazioni. Né appaiono decisivi gli argomenti di contorno sia delle storie polibiane (VI.50–51

e II.12.7) sia dell'intreccio ciceroniano che interseca alla «mancanza» del *de republica* la testimonianza incerta del *de legibus* II.23.59 e l'apparente contraddizione del *de orat.* I.195–197.

Se i vuoti di Polibio e di Cicerone non costituiscono prova a favore dell'accusa di falso contro le testimonianze di Livio e Dionigi, queste potrebbero non essere state ben interpretate, soprattutto in vista del discusso credito delle XII tavole nei confronti di diritti greci. La domanda da porsi, allora, è: cosa ci dicono i due storici e Livio in particolare? Si può pensare che l'ambasceria partì per le terre di Grecia e della Magna Graecia per capire e stu-

diare quei sistemi? Possiamo considerare possibile che prima di operare una *mutatio della forma civitatis* si ponesse l'esigenza di *leges Solonis describere e civitatum instituta mores iuraque noscere*? La risposta potrebbe essere positiva. I Romani non copiarono le leggi dei Greci, né nel loro carattere, né -in linea di massima- nei loro contenuti. Ciò di cui i Romani furono debitori ai Greci fu l'esperienza. La «visita dei luoghi» che proprio in quel torno d'anni vedeva le aristocratiche poleis magnogreche – a partire da Crotone – afflitte anch'esse da conflitti sociali, permise ai Romani di soddisfare il loro bisogno di equilibrio, ma nell'originissima forma che assunsero le XII tavole.